

КРУЖЕНИЕ НЕЗРИМЫХ ПТИЦ

СКИФИЯ

Жанна Свет
 Елена Моргунова
 Инна Порядина
 Александр Бергман
 Мария Лебеденко
 Ольга Савельева
 Злата Гончарова
 Александр Перчиков
 Игорь Литвиненко
 Артем Слонимский
 Анна Кшишевска Иванова
 Валерия Александрова
 Антон Задорожный
 Александр Волков-Апостол
 Давид Кизик
 Елена Инкона
 Александр Пахомов
 Александр Даниф
 Тата Соболевская
 Татьяна Кулага
 Елена Парамонова
 Шри Махадэва Ади Нидана

Антология
Нари Ади-Карана
Кружение незримых птиц
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 12

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39295218

Кружение незримых птиц: антология. / Ред.-сост. Нары Ади-Карана:

Скифия; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-00025-143-0

Аннотация

Кружение незримых птиц в высоком пустынном в небе, – сначала их даже не видно, но они снижаются, и ветер, поднятый их крыльями, касается лица. Так же приходит и вдохновение, и тогда любое, даже самое незначительное внешнее впечатление дает росток образа. «Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира. Публикация происходит на конкурсной основе.

Содержание

Вдыхая время и пространство	7
Жанна Свет	7
Золотое свечение	9
Елена Моргунова	43
Снегопад	45
Последний единорог	48
В цирке	48
Песня старого дома	49
Ночлег	51
Золотой ангелок	52
Запретный плод	53
Время	54
Мудрость	55
Золотая цепь	56
Солнце	57
Самый сильный	58
Ангел и дракон	61
Принцесса – лягушка	63
Волны света	64
Fatum	66
Тишина	68
О камне и о любви	69
У окна	70

Инна Порядина	72
Бенефис	74
Деды	76
Барби	77
Незнакомство	80
Александр Баргман	82
«Что было раз, то будет снова...»	84
«Чем дольше я живу на свете...»	87
«Хочу скорее в ноосферу...»	88
«Рядом с девушкой в шубке из крашеной норки...»	89
Два рисунка в зеленых тонах	90
Хаос	92
«Тщеславие – условие прогресса...»	96
«Волею случая брошенный в Реку Времени...»	96
«Блуждаю в паутине непонятных слов, но...»	98
Деревянная лошадка	99
«Здравствуйте, доктор! Скажите, пожалуйста...»	100
Разочарованье	108
«Женщина, не выговаривающая буквы...»	110
Мария Лебеденко	115
Леди с красным шарфом	116
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Кружение незримых птиц

Антология живой литературы. АЖЛ № 12

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году

Том 12

Редактор-составитель Нарн Ади-Карана

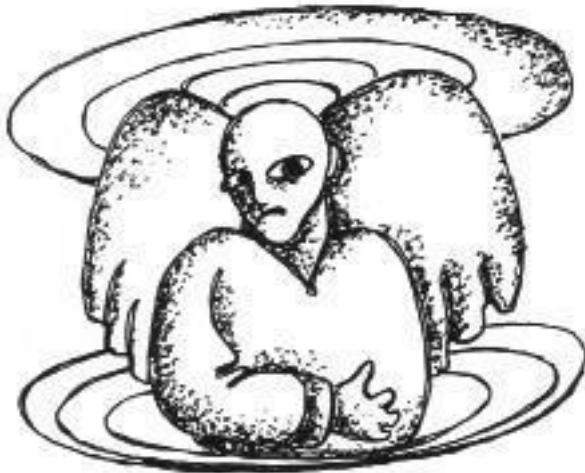
Издательство приглашает авторов к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки на конкурс принимаются по адресу электронной почты: skifiabook@mail.ru.

Подробности условий конкурса можно прочитать на издательском сайте: www.skifiabook.ru.

При оформлении обложки использована картина Златы Гончаровой «Дикий виноград. Вечная весна».

Сайт художника: goncharovazlata.gallery.ru

Вдыхая время и пространство

Жанна Свет
Израиль, г. Йерухам

Дипломант Международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира». Публикации: авторский сборник «Последнего выпуска не будет» («Геликон-плюс»), рассказ «Пляжные разговоры» в сборнике сетевой прозы «Скажи! ЖЖ out» (издательство «АСТ»), рассказ «Летний семестр» в сборнике «Стражи последнего неба» (издательство «Текст»), публикации в журналах «Сибирские огни», «Ар-

тикль» и «Млечный Путь».

Из интервью с автором:

По образованию я инженер, но, живя в СССР, много лет преподавала физику.

Сейчас я на пенсии.

© Свет Ж., 2018

Золотое свечение
Маленькая повесть в
разрозненных воспоминаниях

*Как странны прихоти воспоминаний!
Воспоминанья не закажешь по меню,
Не выберешь, которое желанней,
Чтоб приурочить к выбранному дню.*

*Попробуй упрекни их за неверность!
Попробуй им устрой переучет!
Они внезапно выплывают на поверхность,
И время их по-своему течет...*

Григорий Глазов

1. Золотое свечение

Мальчик заснул и лежал теперь раскинувшись – загорелый кудрявый ангелочек.

Она чмокнула бабушку в щеку и выбежала в зной: за пару свободных часов вполне можно было успеть на пляж.

Уже половина лета прошла, а она еще и не купалась толком, хотя водила сына на море каждое утро. Но во время этих походов она всецело была занята ребенком, и на себя у нее времени просто не оставалось, хорошо, что бабушка сама предложила ей посидеть с малышом, пока тот спит.

Кто-то окликнул ее по имени, она оглянулась и увидела его – когда-то они жили в соседних подъездах и учились в одной школе, правда, он был года на два или три старше.

Злой подросток, она страшно его дразнила, тем более что знала – она ему нравится. Его беспомощность перед ней только раззадоривала, и она еще беспощаднее издевалась над ним, а он лишь смотрел на нее своими темными глазами и ничего не предпринимал – не мог.

А она не могла понять, зачем дразнила: ведь стоило ей от него отвернуться, как она о нем тут же забывала – настолько он не задевал ее существа.

Был он очень крупный, как и вся их семья, а она – пигалица, тощая и нескладная, и никто не понимал, почему он позволяет ей так над собой измываться.

Вскоре ее семья переехала на другую квартиру, еще пару раз она его встречала в городе, а потом уехала в Москву учиться, и больше они не виделись.

Он стоял перед ней и откровенно рассматривал ее всю, а она, в своем невозможном бикини, злилась, что он так и не научился себя вести, глазает, как тот сопляк, что не умел дать ей отпор.

Она уже ответила на все его вопросы: где живет да как живет – и с неудовольствием подумала, что, вот ведь, черт, придется теперь уйти домой, хотя она вполне успела бы еще раз искупаться, нужно же было его так некстати встретить!

Она взяла с лежака свой халатик, вынула из кармана темные очки и словно бы сразу отгородилась стеной от его взглядов и слов.

Отряхнув песок, сунула ноги в резиновые «лягушки», помахала ему рукой и пошла прочь от пляжа, держа халатик на плече и расчесывая спутавшиеся волосы круглой гребенкой, которой потом их заколола.

Она думала о том, что это странно: ему уже около тридцати, а он не женат, какой-то в нем есть изъян, не иначе. Неужели бабы не клюют на него – такого здорового и, в общем, вполне ничего себе мужика?! Что-то в нем не так, это ясно. Еще она думала, что, видимо, придется все же от дневного купания отказаться: с него станется поджидать ее на пляже, а ей это совершенно не нужно. В общем, план ее провалился, вот ведь досада!

Он смотрел ей вслед, как она идет в этом своем невозможном бикини, загорелая, похожая на зрелый персик. Кажется, тронь ее – потечет сладкий сок, даже странно было, почему над ее головой не вьются пчелы и осы-сладкоежки. И эти волосы длинные, а раньше-то все под пацана стриглась, да и похожа была на пацана – тощая, узкобедрая, безгрудая.

Когда она, издразнив его в пух и прах, теряла к нему всяческий интерес, отворачивалась и с лязгом уносилась на раздолбанных роликах – в узких брючках из хлопчатобумажной серой ткани в узкую полоску, в бумажном же дешевом свитерке с коротковатыми, растянутыми на локтях рукавами, – девочкой она не выглядела ни одной секунды. А он оставался на месте и смотрел ей вслед, вечно он смотрит ей вслед, вот и сейчас смотрит, как она уходит, вся в золотом свечении зноя, окутанная зноем, как коконом, в который ему не проникнуть никогда.

Он с досадой бросился в воду и яростно поплыл от берега, твердя на каждом гребке:

– Черт, черт, черт!

– Эй, парень, – донесся до него усиленный мегафоном голос спасателя, – не заплывай за буйки, оштрафуем!

– Черт, черт, черт! – повторял он, не слушая. – Черт, черт.

2. «Техас»

Впервые она его увидела зимой во время студенческих ка-

никул. Старшая подруга любила всюду водить ее за собой – вот и привела в свою взрослую компанию, где все уже или работали, или были студентами.

Взрослые друзья подруги не вполне понимали присутствие среди них этой малолетки, тощей, стриженной под пацана замухрышки, но как-то с этим фактом мирились, а приезжий гость, московский студент, даже пригласил ее на медленный танец.

Она лишь потому и пошла танцевать с ним, что совсем уж идиотизмом было сидеть одной за столом, хорошо хоть верхний свет выключили, и это давало ей некоторую надежду, что студент не рассмотрит ее ветхую старую юбочку, простые чулки и кофточку с растянутым воротом и манжетами. Кто ж знал, что сюда внезапно завалятся ребята и столично-го гостя с собой приведут?!

Во время второго танца они со студентом уже всю целовались за кадкой с китайской розой, и это было впервые в ее жизни, как и последующее провожание домой через мокрый, продуваемый шальным ветром город.

Наутро пришлось что-то врать маме о синяке на губе, а в понедельник в школе она была так рассеянна и так явно витала где-то далеко, что все это заметили и поддразнивали ее, а она только улыбалась туманно.

Во вторник, сидя в очереди к зубному врачу, она увидела студента: он с улыбкой смотрел на нее и делал губами такие движения, словно целовал.

И опять было провожание, город был все такой же мокрый, все такой же шальной свежий ветер продувал его насквозь и, казалось, продувал ее душу, все ее существо, отчего она становилась какой-то другой, но какой, она не знала – ведь все происходило впервые, никогда еще с ней не случилось так много разных вещей впервые.

Впервые же она получила приглашение на свидание и мыкалась дома в полной уверенности, что оно не состоится, потому что ведь ни один здравомыслящий человек не выйдет из дома в эту мокреть и этот ветер.

У нее даже зуб разболелся на нервной почве, но тут из детского сада явился младший брат, сообщил, что в подъезде стоит какой-то дядька, который спрашивает ее, и зубная боль тут же прошла, не раскопегарившись в полную силу.

В кино он держал ее за руку, отчего она слегка оглохла и несколько одеревенела, но фильм, как ни странно, запомнила, а потом всю жизнь у нее слегка ныло сердце, когда его в очередной раз показывали по телевизору.

На обратном пути они опять целовались, ветер закручивал вокруг них водяную мельчайшую пыль, которая одновременно размывала свет фонарей, делала его иглисто-лучистым, по какой причине картина ночи была смазана и золотисто светилась.

Каникулы закончились, студент уехал, она стала получать из Москвы письма, которые ее разочаровали своей нескладной обыденностью. Они совершенно ясно давали понять, что

писать ему не о чем, но в конце каждого коротенького – страничка-полторы, не больше – послания обязательно было написано слово «целую», что заставляло ее обмирать и перечитывать эти образчики отсутствия эпистолярного дара и культуры опять и опять.

Мама и папа ее, видя, что почтовый роман никак не скачивается на учебе, не обращали на него внимания, поэтому зима и весна прошли вполне спокойно, а летом оказалось, что студент взял академический отпуск и вернулся к родителям.

Они встречались у него дома.

Она переходила широкую улицу, а потом по более узкой и тихой доходила до границы района частных домов.

Район этот почему-то получил в народе название «Техас», чем молодые его обитатели страшно гордились и держались всегда с необыкновенным апломбом и достоинством.

Поперек улицы белой масляной краской было крупно написано: «Техас», а через минуту-другую она уже шла по асфальтированной дорожке к его дому.

Ее любимые желто-красные розы равнодушно точили аромат в неподвижный воздух южного вечера, а свекольно-белые георгины следили за ней своими раскосыми глазами, и их лепестки были указующими стрелками на карте ее любви.

Студент встречал ее на пороге своей комнаты, имевшей отдельный вход, но вечер пролетал непростительно быстро.

Потом студент устроился на работу и студентом быть пе-

рестал, а вот она все еще оставалась школьницей, о чем ей строго и решительно напомнила наступившая осень.

Все реже переступала она надпись «Техас», все реже видела студента, а когда в город вернулись свежие мокрые ветры, он и вовсе пропал, о нем не было ни слуху ни духу до самого того дня, когда подруга рассказала ей о его свадьбе.

Ей и жену его показали – крупную некрасивую молодую женщину, нагруженную сумками с покупками, идущую ей навстречу по центральной улице города.

Она стояла посреди тротуара совершенно одна. Казалось, ветер выдул всех людей не только с улицы, но и из города, а может быть, из всего мира, тот самый ветер, который всего полгода назад принес ей прямо в руки подарок, теперь же, по какому-то странному капризу, вырвал его у нее, чтобы отдать другой.

Прошли еще полгода, заполненные грустью, болезнями, школой, тревогами родителей, теперь она сама уже была московской студенткой и с переменным успехом вышибала клин клином.

Шли годы.

Летели ветры.

Менялись страны, мелькали города, она побывала во многих местах.

Она навещала родителей чаще всего летом, поэтому больше никогда не встречалась с тем шальным мокрым ветром, что продувал город ее юности.

И никогда больше не переходила она шумную улицу с целью пройти по более узкой и тихой до вольготно развалившейся на мостовой надписи «Техас».

Ей не было нужды идти туда: эта надпись пересекла ее сознание, как пересекает проезжую часть надпись «Stop».

3. Велосипед в сумерках

Он был ужасно рыжим и, конечно же, стеснялся этого. Вообще же у рыжих тяжелая жизнь, дразнят их все, слишком они всегда видны, не спрятаться.

Она его не дразнила, ей, скорее, даже нравилось, что он такой рыжий, но он и ее стеснялся все равно, такой уж, наверное, был у него характер.

Хотя, конечно, он мог ее стесняться еще и потому, что она ему нравилась и знала об этом – вот это могло его связывать по рукам и ногам, но она и виду не подавала, что догадывается о его чувствах.

Познакомил их ее сосед, муж старшей сестры рыжего мальчика. Мальчик жил в городе и приезжал навещать свою взрослую сестру, муж которой и показал ему тощую пацанку, носившуюся по городку исключительно на лязгающих старых роликах и безумно этим всему городку надоевшую.

После того, как мальчик увидел ее – сначала на роликах, а потом с живым ужом на шее (она шла на пляж, и компания мальчишек почтительным эскортом окружала ее, впрочем,

не вплотную, на расстоянии), – участь его была решена.

В их городок он приезжал нечасто, она не знала, вспоминает ли он о ней в промежутках между приездами, но всегда бывала ему смущенно рада.

Муж сестры, познакомивший их, ездил на работу на большом черном велосипеде, и однажды вечером он позволил мальчику покатать ее.

У нее самой велосипеда никогда не было, ездить она умела, но очень плохо, поэтому за возможность прокатиться ухватилась с радостью, только вот не учла, что, сев на раму перед рулем, окажется как бы в объятиях рыжего, что сразу же заморозило их обоих: он, видимо, тоже этого не учел.

Муж сестры рыжего страшно веселился, глядя на них, поэтому мальчик поспешил скорее уехать из двора, и вот они почти бесшумно, только с легким шорохом, понеслись по пустой улице в наступающих южных сумерках.

Вдали от посторонних глаз стало проще и спокойнее, но все равно она очень остро чувствовала его близость, тем более что он несколько раз как-то странно ткнулся лицом в ее коротко остриженные волосы.

Они молчали, велосипед летел, вокруг было тихо: троллейбус еще по этой улице не ходил, жилых домов на ней было немного, а рабочий день в НИИ уже закончился, вся улица принадлежала им одним.

Это беззвучное движение зачаровало их, рыжий все накручивал и накручивал круги вокруг квартала, выбирая са-

мые безлюдные места, и постепенно в ее душе тоже началось кружение, так что она уже больше ничего и не чувствовала, кроме него, кроме этого полета, тишины и отрешенности от всего мира, который был где-то, но где-то далеко.

Потом рыжий в каждый свой приезд катал ее, всегда в сумерках, всегда молча, а однажды после катания достал из кармана ковбойки почтовый конверт и отдал его ей. Она поняла, что это – подарок.

Дома она раскрыла конверт и обомлела: он был набит китайскими марками, а ведь у нее ни одной такой пока еще не было. И как это он запомнил, что она марки собирает – это было удивительно. Она, правда, была смущена и пыталась объяснить рыжему, что ему за эти марки может дома влететь, но он и слышать ничего не хотел, и все эти мао-цзэ-дуны, пагоды, цветущие ветки, ГЭС и люди в национальных костюмах перешли в полное ее распоряжение, став предметом острой зависти всех мальчишек, мнивших себя, как и она, филателистами.

Они катались еще раза два или три, а потом сестра рыжего ушла от своего мужа и вернулась к родителям, рыжему больше незачем было приезжать в их двор, но сказать дома, что поедет в другой город на электричке, чтобы увидеться с какой-то девчонкой, он, конечно, не мог. Да и где бы он взял теперь велосипед?

Никто больше ее на велосипеде не катал.

Коллекцию марок у нее через год украли в школе, когда

она принесла альбом, чтобы меняться: классера у нее не было, отложить двойники было некуда, приходилось рисковать, и, конечно же, это должно было когда-нибудь плохо кончиться.

Дома ей за марки сильно влетело, в результате чего она остыла и к филателии, и к друзьям-филателистам, а там и другие увлечения пришли к ней в свой черед.

Рыжего она больше не видела никогда.

Правда, иногда случались такие сумерки, что она невольно ждала: вот-вот вылетит ей навстречу большой черный велосипед, на котором будут сидеть двое детей – рыженький мальчик лет пятнадцати и мальчишеского вида девочка годом младше – и полетят в тишине и молчании, зачарованные этой тишиной и полетом.

И девочка будет смотреть в сгущающуюся темноту широко раскрытыми глазами, а мальчик будет тихонько целовать ее коротко стриженные волосы.

4. Акация

Школьный звонок огласил своим дребезжаньем самый разгар лучезарного майского дня, уроки закончились, можно было идти домой.

Весь путь до дома пролегал по двум улицам, засаженным высоченными акациями, которые именно сейчас вовсю цвели и заполняли своим парфюмерно-кондитерским ароматом

все окружающее пространство.

Летний зной еще не обрушился на город, еще не сжал его в лихорадочных душных объятиях, и потому пройтись под акациями было очень приятно.

Легчайший ветер слегка касался ее щек и тонкой шеи, обрамленной кружевом форменного воротничка, чуть ерошил коротко стриженные волосы – она просто плыла в этом блаженном тепле, насвистывая тихонько какой-то мотивчик и помахивая синим портфельчиком в такт этому мотивчику.

Впереди нее шли двое пацанов из параллельного класса, живших где-то в тех же краях, что и она. Пару раз они оглянулись на нее, но ее блаженно-отсутствующий вид ясно говорил, что она их не видит, они оглядываться перестали, сблизили головы на ходу, о чем-то тихонько переговорили между собой, а потом, как по команде, куда-то свернули.

Но и этот их маневр остался незамеченным, она продолжала идти, как шла, нога за ногу, не торопясь и ничего не замечая вокруг себя.

Ветер, гладивший ее щеки, шевелил и будоражил листья акаций, сбивал уже отцветшие сухие цветочки, которые с легким шорохом все сыпались и сыпались с деревьев и собирались кучками в трещинах и неровностях асфальта.

По стенам домов и тротуару плясали тени листвы и солнечные пятна, их мешанина образовывала сияющую теплую сеть, в которую вплетались запах акации и шорох опадающих цветов.

В эту сеть были пойманы все улицы, весь город, и она шла, всей собой ощущая, как и ее обволакивают свет, тепло, запахи, звуки, тени.

Мальчишки вдруг вывернули из-за угла и загородили ей дорогу. Попытка обойти неожиданное препятствие оказалась безуспешной, это вывело ее из транса, и она непонимающе уставилась на них своими темными, в темных ресницах, глазами.

Они стояли перед ней угрюмо, каждый держал одну руку за спиной, и, казалось, ничего не собирались препринимать.

Но вдруг они одновременно протянули руки вперед, и она увидела перед собой две ветки акации с пышными свежими сладко пахнущими гроздьями.

Мгновение смотрела она на эти ветки, потом вскинула на мальчишек короткий взгляд, убедилась, что они по-прежнему мрачны и смотрят серьезно, зажала портфель между коленями, обеими руками взяла подарок, окунула лицо в белые цветы и замерла, вдыхая их сладость и свежесть.

Пацаны продолжали стоять перед ней все с тем же сумрачным видом, и невозможно было понять, осознали они, что подарок их принят, или нет.

Она оторвалась от цветов, опять посмотрела на приятелей, поудобнее перехватила ветки левой рукой, в правую взяла портфель, сказала спокойно и доброжелательно: «Спасибо, мальчишки», – без всякого затруднения обогнула их и пошла, как и шла – нога за ногу, – домой.

Пацаны развернулись и пошли за ней, не отставая, но и не забегая вперед.

Улица, город и, видимо, весь мир были заполнены и пронизаны нежнейшей золотой смесью весны, солнца, юга, ожидания лета.

Они шли сквозь это золотое свечение, которое – и это было абсолютно ясно – не погаснет никогда.

5. «Саммер таааайм...»

Девочка принесла из кухни два блюда и поставила их на застеленную газетой табуретку. На одном блюде лежал бутерброд с ветчиной, на другом светился блестящей верхней корочкой ромбик пахлавы.

Табуретку девочка придвинула к дивану и выключила верхний свет.

Теперь комната освещалась только разноцветными огнями елочной гирлянды и поэтому казалась девочке очень нарядной и немного таинственной.

Возле дивана на небольшой тумбочке, застеленной скатертью с вышитыми на ней маками, стояла радиола «Латвия».

Девочка щелкнула переключателем, и приемник благодарно уставился на нее своим горящим зеленым кошачьим глазом. Глаз пульсировал и казался совершенно живым.

Повинуясь ползущему по шкале движку, радиола засви-

стела, засвиристела, что-то хрипло выкрикнула, взвыла, забормотала на инопланетных языках – пространство ворвалось в комнату и пыталось внушить что-то девочке, терпеливо крутившей ручку настройки.

Но оно не успело: сквозь его завывания и хрип пробились мелодия, окрепла, заглушила шум.

Чистые голоса саксофонов, дребезжание банджо, фортепьянные аккорды, кваканье труб, дробь барабанов – девочка была довольна.

Она забралась с ногами на диван и оглядела свои владения.

Комната была убрана к празднику – вымыты полы, разложены по местам вещи, хлам повседневной жизни растырян по незаметным местам. Темнота скрывала нищий недостаток комнаты, а огни елки придавали ей уют и благообразность, которых она была лишена при свете.

В темной, почти черной хвое елки то и дело вспыхивали тусклые отблески игрушек, слегка позванивавших при едва заметных сотрясениях пола, когда мимо дома презжал троллейбус.

Тихий нежный перезвон игрушек в темной комнате, освещаемой лишь слабыми разноцветными огоньками елки, желтым свечением шкалы радиоприемника и зеленым маяком его глаза, казался девочке олицетворением любимого праздника, который она – вот удача! – впервые, пусть и с опозданием на два дня, отмечала одна.

Она сидела в темной комнате, где светилась и звенела елка, а в радиоле труба выпевала отчетливо: «Туру-тутуру турутуту-туту...».

Девочка знала эту мелодию и стала подпевать трубе: «Имба-читальня, сто второй этаж, там кучка негров лабают стильный джаз... – и опять вступала труба, – турутуру-ру, турутуру-ру, туру-туру, турутуру, ру».

Девочка грызла пахлаву и наслаждалась жизнью.

Ей редко доводилось оставаться дома одной, чуть ли не в первый раз это случилось сегодня, и она была в полном восторге от выпавшего такого счастливого случая: надо же – все ушли, а она осталась!

Дядя и тетя были званы в гости, бабушка повезла младших детей на праздничное представление в цирк, для девочки билета достать не смогли, и неожиданно вся квартира оказалась в полном ее распоряжении.

– Только никого не приводи, – строго сказала бабушка, надевая пальто, – убирай потом после вас.

Бабушка не понимала. Никто не понимал, да и не пытался понять, каким редким счастьем было одиночество – им следовало не делиться с кем бы то ни было, а наслаждаться самой, бережно и подробно.

И девочка изо всех сил старалась не упустить свой шанс: мелкими кусочками ела слишком дорогую для ее семьи, а потому редкую ветчину, столь же мелкие крошки отгрызала от пряной ореховой начинки пахлавыв, смотрела на огни ел-

ки, тусклое свечение ее игрушек, вслушивалась в их слабый нежный перезвон и подпевала саксофону.

Он словно бы обволакивал ее своим звучанием, она купалась в его нежном, но мощном голосе, и ее маленькое сердце таяло и екало в теплом потоке музыки: «Саммер таааайм...».

Радиола то шурила, то вытарачивала свой зеленый глаз в такт мелодии – так шуруется и вытарачивается лежащая на коленях кошка, когда чьи-нибудь пальцы теребят и перебирают ее теплую и мягкую шерсть.

Понимала.

6. Где начало того конца?

В тот год она окончила *институт*, получила на руки темно-синий диплом с гербом на обложке, сдала ключ от комнаты в общежитии, забрала оттуда вещи, но по распределению все никак не уезжала.

Жить ей было негде, она скиталась по знакомым. Вещи, упакованные в большие картонные коробки из-под яиц, были свалены в камере хранения рабочего общежития, где ее подруга работала воспитателем.

Подруга эта уехала в отпуск, жить в ее комнате было невозможно: у соседки, что ни вечер, собиралась пьяная компания, а разогнать ее было некому.

Пару ночей она провела в соседней квартире, где чуть не круглые сутки вопил дурниной младенец и не менее громко и противно пыталась угомонить его приехавшая из деревни бабка.

Уехать из Москвы было невозможно, невысказано.

Москва пропахла в ту весну арбузом: стригли газоны. Запах свежести сплетался в сложный узор с другими истинно московскими запахами – бензина, цветущей сирени, мокрых после дождя тополей, теплого ветра, дующего из вестибюлей метро.

Время, казалось, остановилось, а с ним остановилась, впа-
ла в оцепенение и она.

Насыщенная событиями и действиями жизнь так внезапно подошла к своему концу, что подготовиться к встрече с ним она просто не успела и повисла над пустым провалом, в который должно было ей кануть с отъездом из Москвы.

Она и раньше покидала город, но отлучки эти бывали кратковременными – каникулы, праздники – и всегда обещали возвращение, никогда не подразумевали вечной разлуки.

Теперь же отъезд становился фатальным, он означал, что назад дороги нет, что Москва будет утеряна навсегда, как только она купит билет на поезд.

Игры кончились – это было так понятно, так неправильно и несправедливо, что душа ее отказывалась признать окончательность положения дел, все рвалась назад, туда, где оставались относительная беззаботность, легкость, право жить

бездумно, жить сегодняшним днем.

Уехать из Москвы означало выпасть из привычного измерения, из родного воздуха, из гнезда, из уютной, знакомой до мельчайших подробностей жизни.

Отъезд из Москвы означал наличие другой реальности, никак не пересекавшейся с той, откуда ее выдирали, с мясом и кровью, наступающая жизнь, не оставляя ей лазейки для возвращения, не даря средства для заживления ран.

В новой реальности, в незнакомом измерении ее не ждало ничего, кроме лямки повседневной работы, не обещавшей никакой отрады ни уму, ни сердцу.

Лямку учебы тоже приходилось тащить ежедневно и желательнее без сбоев, но учеба окрыляла и приподнимала над действительностью, дарила некую неясную, но возвышенную цель, возбуждала; была, скорее, увлекательной интеллектуальной игрой, требовавшей азарта и сосредоточенности только на ней.

Теперь крылья эти опали, разлетелись в прах, а отъезд из Москвы доказывал, что они утеряны навсегда, что в провале другой реальности, разинувшем свой зев под ее ногами, ничего, кроме повседневности, и не будет, придется барахтаться в ней до конца жизни, имея одну лишь неизменную цель – обеспечить свое существование, – позабыв о том душевном подъеме, который она испытывала все годы учебы.

Она ходила по Москве, ловила контрамарки и «лишние билетки» в театры, вдыхала запахи свежего хлеба и сдобы в

булочной Филиппова, запах кофе в Чайном домике у Главпочтамта, запахи московского неба, московских берез, запах речной воды при катании на речном трамвайчике...

И цепенела все сильнее.

Все дальше уходила от нее Москва.

Она уже была чужой здесь, уже потеряла право на эти улицы, эти витрины, кресла в театральных залах, на запахи и звуки. Москва уже отринула ее, и она ходила туда и сюда воровато, чувствуя за собой какую-то вину, понимая, что пользуется чужим, не своим, краденым.

Москва уходила, отворачивалась, не помнила о ней.

Она цеплялась за эту уходящую громадину, не в силах поверить, что их роман пришел к завершению, как приходит к завершению любой роман на этом свете.

Душа ее цепенела от этого открытия.

И никак не хотела поверить в необратимость конца.

7. Цирк

В ту осень они с мамой жили вдвоем. И часть зимы тоже. Бабушка уехала к своему младшему сыну, брату мамы, и забрала с собой младшего внука, брата девочки.

Жить вдвоем с мамой оказалось не очень весело, тем более что осень и зима были на редкость дождливые, в доме устойчиво держался сырой холод, печку мама топила только придя с работы, и девочка весь день проводила одна в уют-

ном одиночестве.

Она попробовала однажды самостоятельно разжечь огонь в печи, но только зря извела растопку, мама вечером очень ругалась.

Девочка вообще была плохо приспособлена к жизни без бабушки.

То она у керосинки не в ту сторону крутила колесико, и фитиль выпадал в резервуар с керосином, то задремывала, пока грелся обед, отчего гречневый суп превращался в кашу с вкраплениями подгоревшей картошки, ужасно соленую, и мама опять ругалась...

Пришлось идти на хитрость и не греть еду, а поедать жареную картошку холодной и запивать ее холодной водой. Ну, или заедать мандаринами: их всегда дома было много, целые ящики.

Правда, девочка нашла крупный плюс в отсутствии бабушки: можно было читать во время еды, главное – вовремя сунуть книгу в шкаф и не забыть запереть его застекленные дверцы, потому что к Мопассану и сказкам Шехерезады мама строго-настрого запретила прикасаться. Ключик, несмотря на запрет, тем не менее в дверце шкафа торчал постоянно, видимо, мама считала, что дочь не решится нарушить ее приказ – и как же, получается, она ошибалась!

Кроме ущербного быта и дождей осень ознаменовалась открытием цирка, что очень оживило культурную жизнь и города, и девочки.

Программа менялась каждые две недели, и каждые две недели мама водила дочь на представление.

Они встречались возле цирка, потому что приехать после работы домой мама не успевала: она работала в центре, до цирка ей было идти минут пять, не больше.

Они приходили одними из первых и видели, как униформа готовит арену – граблями разравнивает опилки или покрывает их ярко раскрашенными щитами, как проверяют лонжи и трапеции, как оркестр рассаживается по местам. Наконец раздавались первые аккорды марша и начинался парад-алле.

Девочка сидела тихо, держа на коленях пальто, смотрела на девушек-гимнасток, внутренне сжимаясь всякий раз, когда те, отпустив трапецию, летели к вытянутым рукам партнеров, висящих вниз головой.

Радостно хохотала навстречу облаку звонкого лая, с которым на арену вылетала орава мелких собачонок и начинала свои фортели: прыжки, сальто, танцы на задних лапках, катание в тележках мартышек, одетых в платьях и пиджачные пары.

Дрессированные медведи ей тоже нравились: они, казалось, с удовольствием ездили на велосипедах, роликовых коньках и самокатах, качались на качелях и танцевали в обнимку с дрессировщиком.

Так же радостно выглядели собаки побольше, игравшие в футбол и азартно гонявшиеся за воздушным шариком, слу-

жившим им мячом, покуда в пылу сражения кто-нибудь из них не прокусывал его.

Хороши были и наездники – особенно один из них произвел на девочку неизгладимое впечатление.

В отличие от целых банд джигитов, наполнявших здание цирка дикими вскриками, свистом и одобрительными хлопками, он работал один.

Был он высок и бледен, всегда одет в черное, и лошадь у него была вороная – с широкой спиной и сухой головой.

Стоя на спине своей лошади, он проделывал разные акробатические штуки, покуда она ровной рысью круг за кругом, ни разу не сбиваясь с ноги, все бежала и бежала вокруг арены.

В цирке гасили огни и, невидимый в темноте, человек в черном на черной лошади начинал жонглировать факелами и прыгать сквозь горящее кольцо, которое спускалось на канате из-под крыши цирка.

Девочка, затаив дыхание, следила за этой феерией и испытывала нечто вроде влюбленности в человека, приглаживавшего рукой светлые волосы, растрепавшиеся после поклонов.

Лошадь тоже кланялась, припадая на передние ноги, а затем они оба уходили за кулисы – тут и начинался антракт.

Публика побогаче шла в буфет, уходила и мама – выкурить папиросу в туалете.

Девочка жевала бутерброд с колбасой, который мама доставала из своей сумки, потом грызла яблоко, следила, как на арене вырастает клетка для тигров или львов, и думала о том, что лучше бы еще раз выступил фокусник, потому что в первом отделении она не успела увидеть, откуда берется аквариум с водой и кричающей уткой под красивым шелковым платком, которым фокусник накрыл совершенно пустой цилиндр, составленный из разноцветных колец, – он ведь сам его и составил, еще и руку в него просунул, чтобы показать, что цилиндр пуст.

Непонятно, как он это делал?!

И непонятно было пребывание на арене молодой женщины, полуодетой в струящийся шелк, которая абсолютно ничего не делала, только красиво ходила вокруг фокусника и показывала на него публике рукой, хотя публика и так смотрела на артиста во все глаза, пытаюсь определить, в каком месте ее обманывают.

Музыкальные эксцентрики тоже нравились девочке, они смешно дули в тромбоны ноздрями, играли на скрипках, летая под куполом на лонжах или прыгая на батуте, – девочка завидовала их умению играть на разных инструментах и той легкости, с которой они балансировали то на бутылках, то на проволоке.

Женщину-змею она не любила, да и ту, что, лежа на спине, подкидывала ногами разные предметы, – тоже: обе они казались девочке скучными и непристойными одновременно.

Честно говоря, ее и акробатки смущали тоже. Ей казалось неприличным, что вся публика в цирке видит их трусы, плотно обтягивавшие увесистые зады, и она старательно отводила глаза от девушек, когда те с равнодушным видом лезли по веревочным лестницам на площадки, схожие с корабельными клотиками (девочка была начитана и полна аллюзий).

Она предпочла бы этим странным номерам что-нибудь менее двусмысленное, но только не дрессировщицу голубей: несмотря на ее пышное, как у феи, белое платье, номер оказался нудным до зевоты, каким-то приторным и излишне жеманным, собачки были лучше.

А однажды в программе участвовал человек, поднимавший тяжести, и он поднял целый грузовик, в кузове которого сидело пять или шесть человек!

Девочка в ужасе ждала, что у него сейчас «жила лопнет», как она прочла у Горького – про человека, поднявшего что-то слишком для него тяжелое и болевшего потом всю жизнь, – но все обошлось, силач отхватил свою порцию овец, а девочка смогла перевести дух.

Господи, как ей нравились эти громадные полосатые кошки!

Львы оставляли ее равнодушной, но тигры...

У них были такие рожи, что девочке хотелось иногда пролезть сквозь решетку и трепать огрызающихся зверей за уши и холки, чесать им подбородки, гладить и тереть.

Собственно, так и вела себя невысокая женщина в черном костюме и с хлыстом в руке.

Она переступала по опилкам арены ногами, обутыми в черные ботфорты, и была похожа на Аллу Ларионову из фильма «Двенадцатая ночь» – девочка ей очень завидовала!

Тигры огрызались, замахивались на свою госпожу лапами, но в целом их поведение не слишком отличалось от поведения кошки Читы, которая, хоть и любила лежать на коленях у девочки, когда та читала, сидя на низенькой скамеечке возле натопленной печки, все же держала ее в черном теле, спуску не давала, и у девочки вечно были расцарапаны руки – следствие ее неоправданно развязного поведения с маленькой самолюбивой хищницей.

Девочка хотела бы стать укротительницей, но знала, что этому не бывать: у нее не было «куража».

Об этом необходимом каждому дрессировщику качестве она вычитала в одной из многочисленных проглоченных ею книг, трезво оценила себя с этой точки зрения и поняла, что навсегда останется благодарным и восхищенным зрителем.

Лет через двадцать, правда, станет ясно, что интерес и восхищение перед дрессурой исчезли, а на смену им пришли жалость к бедолагам-тиграм и неприязнь к человеку, вынуждавшему их делать противоестественные для зверей вещи, и тогда выросшая девочка с грустью поймет, что ее цирк исчез навсегда.

Но до этого дня еще нужно было дожить, а пока тянулась и тянулась хмурая осень, плесневел хлеб, листы учебников и тетрадей перестали шуршать, холодная картошка вызывала жажду и ощущение сиротства, мандарины не утоляли томления сердца, а в центре города, довольно далеко от дома, где девочка училась жизни в одиночестве, над зданием цирка каждый вечер вспыхивали зазывные огни.

Через две недели девочка опять пройдет под их сияющей аркой.

Через две недели в честь ее визита оркестр опять сыграет свой марш.

8. Одновременно

Странно, но природе, казалось, был известен человеческий календарь.

Еще тридцатого или даже тридцать первого августа зной дрожал над разогретым асфальтом улиц и серым песком пляжа, а уже первого сентября утро вдруг оказывалось прохладным.

Прохлада бесшумно втекала в комнату через открытое окно, забранное сеткой от комаров, заставляла отбиваться от ее узких свежих ладоней, гладивших лицо и изгонявших последний сон, ежиться и свертываться калачиком под простыней; в результате девочка смирялась и сердито поднималась

с постели задолго до будильника.

Взрослые считали, что это она так волнуется из-за начала очередного учебного года, что ей надоели каникулы и хочется поскорее начала занятий.

Каникулы, таки да, отчасти надоедали, но просыпалась она именно из-за перемены погоды.

Днем все еще бывало жарко, но утра становились все прохладнее и все дольше прохлада задерживалась на улицах города, отнимая у жары ее законные полуденные часы, покуда та, теснимая неотвратимо свежившим воздухом, не отступала в края, где о свежести и прохладе ничего известно не было и где можно было переждать их ежегодное вторжение в иные пределы.

Девочке и в голову не приходило объяснять все это взрослым, они могли думать по ее поводу что заблагорассудится, главное, сама она знала, что природа следит за календарем людей и старается придерживаться установленного им порядка.

Установленный календарем порядок означал, что наступала осень, лету полагалось сдать, его праздник приходил к концу, а девочку ждали долгие будни, что было правильно и справедливо: осень, зима, плохая погода, слякоть, сырость были несовместимы с понятием праздника или выходного дня. Только и оставалось зимой, что учиться, поэтому недовольства наступлением осени девочка, как другие дети, не испытывала никогда.

Она привычно выходила из дома и решала, какой дорогой идти в школу, просто витязь на распутье!

Короткая дорога – через дворы – использовалась в плохую погоду или при недостатке времени, ее черед наступит позже, а пока держались хорошие дни и просыпаться утром было легко, девочка ходила в школу по улице, идущей параллельно морскому берегу.

Солнце уже встало, но еще не поднялось высоко, не слепило глаза.

Казалось, оно выбралось на берег после купания и роняет капли соленой воды, которые, упав назад в море, образовали светящуюся сеть, через которую тусклым жемчугом слегка голубела морская гладь.

Время позволяло девочке не спешить, она шла нога за ногу и думала о том, сколько детей разного возраста сейчас идут, как и она, в школу – кто-то в том же направлении, кто-то – туда, кто-то – оттуда, а другие и вовсе наоборот.

Немногочисленные взрослые шли по той же улице на работу. Одни обгоняли девочку, другие шли ей навстречу, и она думала, что ведь и взрослых, идущих на работу, сейчас по всей Земле тоже очень много.

Тут она стала думать, что разбудившее их Солнце откуда-то ведь ушло, и там, значит, наступила ночь, а это означало, что одновременно с ней, идущей в школу, и со взрослыми, идущими на работу, где-то, откуда ушло Солнце, дети и взрослые легли или ложатся спать.

«Но и на работу тоже кто-нибудь идет – ведь некоторые взрослые работают в ночную смену, – подумала девочка, – а кто-то идет с работы, если он во вторую смену работал. Только дети никуда не идут, ночных школ для детей не бывает».

Но тут же она подумала, что есть места, где утро наступило на несколько часов раньше, и там уроки в школах вполне уже могли закончиться! И вот странность: она идет в школу, а те дети одновременно с ней идут из школы домой!

И не только идут. Не всем везет жить недалеко от школы или работы, многие вынуждены ездить, и потому сейчас, в эту самую минуту, когда она идет по улице, выходясь вдоль моря – правда, высоко над ним, потому что город стоит на высоком берегу, – совершенно не спеша, ее обгоняют, но тоже не спеша, просто в силу того, что у них ноги длиннее, взрослые, а другие взрослые идут ей навстречу – и тоже не спеша! – миллионы других девочек, мальчиков и взрослых едут в школы и на работу в автобусах, троллейбусах, трамваях, электричках, поездах метро и надземки... какой там еще транспорт бывает? – рикши? – девочка засмеялась своим

мыслям, вызвав недоуменные взгляды встречных взрослых.

Кого-то на машине родители в школу везут, а кто-нибудь едет верхом на лошади или в телеге. На собаках и оленях, наверное, еще рано, наверное, снег еще не выпал, все же только первое сентября, рано снегу выпадать.

И ведь не только на работу или в школу идут и едут люди.

Кто-то идет за покупками, а кто-то уже тащит домой полные сумки.

Кто-то спешит к началу спектакля, а кто-то возвращается с концерта домой или идет в ресторан, кто-то в этот самый момент открывает дверь гостям – у него день рождения, а кто-то опаздывает на поезд-пароход-самолет: едет в отпуск или командировку.

И сколько-то поездов, автомобилей, кораблей и самолетов сейчас, в данный момент несутся по земле, воздуху и воде в разных направлениях по всей Земле.

И сколько-то людей сейчас, в данный момент наклоняются, чтобы выкопать из земли картошку, срезать колосья, коснуться кончиками пальцев рук кончиков пальцев ног, сорвать цветок, поднять найденную монету.

Подпрыгивают на батуте, лезут на дерево, на скалу, на крышу дома, на рожон.

Откусывают кусок хлеба, вонзают зубы в шашлык, грызут морковку, орехи, пьют молоко, чай, водку, кофе, холодную воду.

Лежат в ванне, стоят под душем, ныряют в море, озеро, реку.

Смеются, плачут, доверительно шепчут друг другу на ухо, возмущенно кричат, отворачиваются друг от друга, затыкают уши, смотрят в темное окно вагона, в газету, в книгу, на пальца с вышивкой, на рисунок, полощут кисточку в воде, разминают глину и пластилин, точат карандаш, нож, наби-

рают чернила в авторучку, вдевают нитку в иголку, резинку в трусы.

Зажигают под сковородкой газ, разжигают костер, закидывают удочку, вытягивают сеть, снимают одежду, пену с бульона, копию с документа, повязку с раны.

И движутся, движутся, движутся – идут, бегут, едут, плывут, летят – в одном направлении с девочкой, навстречу ей, перпендикулярно, под углом, туда, сюда, оттуда, отсюда, из-за угла и за угол, сзади и вперед, слева и наискосок, вверх и вниз, по диагонали и насквозь.

Они говорят, кричат, шепчут, смеются, рыдают, восклицают, декламируют и тараторят – гул стоит над Землей от их голосов. Интересно, можно было бы уловить все эти звуки, собрать вместе и услышать общий голос всего человечества, звучащий в данный момент?

Девочка представляет себе, как мог бы звучать этот общий голос, в котором, конечно, были бы слышны выстрелы и взрывы, грохот обвалов и камнепадов, гроз и штормов, плеск дождей и вой ветров – это ведь у нас здесь сейчас тишина, прохлада и жемчужно-голубая благодать, расцвеченная розовой зарей, а где-то землетрясение, может быть, происходит в эту самую минуту или вулкан извергается, шторм колотит в берег, режут маяки, режут слоны, рычат тигры и львы, блеют козы и овцы, коровы мычат, входя в воду реки или пруда, гогочут гуси, собираясь лететь в Египет, журавли из-под облаков курлычут «до свидания» родным болотам, и над всей

этой симфонией серебристыми рыбами плывут с рокотом самолеты, наматывая на шар планеты нити своих маршрутов.

И летит по ветру осеннее золото листвы, летят по проводам телеграммы, несутся точки-тире морзянки, радиоволны несут в своих концентрических объятиях звуки музыки и речи, белая занавеска полощется в открытом окне, распахнуты миллионы окон и балконных дверей, миллионы занавесок полощутся белыми флагами, признавая капитуляцию людей перед временем и календарем, перед осенью и началом дня, перед ночью и холодными звездами над головой.

Нашу капитуляцию перед жизнью, которую все мы признаем одновременно.

Что бы мы там себе ни думали, идя нога за ногу в школу тихим утром первого сентября.

Елена Моргунова
г. Москва

Родилась в Обнинске. Закончила Тарусское художественное училище. Член Союза художников России и МОСХ. Выпустила два поэтических сборника: «Рисует время» и «Невод в небе».

Из интервью с автором:

Живу творчеством. Свои стихи иллюстрирую собственными художественными работами. Моему внутреннему состоянию свойственна система философских символов: дерево – воплощение бессмертия и соединения женского и мужского начал, раковина улитки – знак дома и независимости от окружающей действительности, птица – обозначение свободы и творческого поиска. Поэзия и живопись для меня взаимопроникают друг в друга и создают единый пласт удивительного мира.

© Моргунова Е., 2018

Снегопад

С утра идет предновогодний снег.
В порывах ветра он берет разбег
Кружением внезапным в переулках.
Его искристая, бегущая волна
Лишает цветности сутулые дома,

О стекла окон ударяясь гулко.

Высокие деревья во дворах
Качают сонно на своих ветвях
Застывшее в полете долгом небо.
И выброшенный кем-то табурет,
Оставленный в сугробе, тянет след.
И исчезает медленно. Как не был.

Мир заполняет белый снегопад.
И привлекает любопытный взгляд
Прохожего – заснеженная баба.
Холодная, как мартовский сквозняк,
Застывший в ее взгляде, и никак
Не стать из снежной ей живой и слабой.

Чтобы руками нежными обнять
Ту девочку, которая опять
Ее слепила весело и быстро.
И вместе ждать весны и понимать,
Что значит подрастать и расцветать,
И ждать любви, и наполняться смыслом.

Пророк и рыба

По жизни рыба движется с потоком

Морей и рек. Холодная всегда
Скользит беззвучно, быстро, без следа.
Течению послушная. Во многом
Похожая на удлинённый глаз,
Прозревший вдруг в потустороннем мире,
Подвластная неодолимой силе
Сетей и рыбаков, живущих в нас.
И говорим мы: «Холоден, как рыба,
Пронырлив и безгласен, деловит.
Как рыба – нем, как рыба – плодовит...»
Неполный список разных качеств. Либо
Мы, птицам противопоставив рыб,
Впускаем их в космическую зону
На нижний ряд и помним про Иону
Пророка, да не будет он забыт.
Пророк и рыба. Слово и молчанье.
Одно в другом и скрыто до поры,
Пока их поглощенные миры
Не оттолкнут друг друга в мирозданье.
И рыба тихо выплывет на свет,
Откроет рот и выпустит пророка.
И будет много жизненного сока
Ему отпущено до окончания лет.
Так в третий день он выйдет к жизни новой
Из чрева рыбьего, похожего на склеп,
Что в царстве мертвых. Каждый в свой момент
Последует за спасшимся Ионой.

Последний единорог

Белые птицы тревожной стаей
Кружатся над болотом.
Скачут всадники вслед за псами —
В самом разгаре охота.
Азартно вскинув резные ружья,
Спешат, пока не остыла
Под крики, разбросанные натужно,
Их боевая сила.
И рвется голос, молящий Бога
О помощи и защите.
Голос убитого единорога
Последнего. Не ищите
Его пугливой прекрасной стати.
Лишь девушкам на рассвете
Является он, и их пальцы гладят
Уснувший в ресницах ветер.

В цирке

М. Б.

Мелькают руки лицедея,
Летят волшебные шары

И, взгляда оторвать не смея,
То радуясь, то холодея,
Включается в процесс игры
Серьезный человек из зала.
Он смотрит жадно и смеясь,
Вдруг понимает – смеха мало.
И выкрикнув азартно «Браво!»
Встает, в поклоне наклонясь.
А рядом, вовсе не серьезный,
Смешливый и седой старик
Следит за лицедеем слезно
И понимает вдруг, что поздно
Ребенком быть, как он привык.
Гремит оркестр и клоун яркий
Гримасничает и орет,
Когда его огромной палкой
Другой колотит, он подарки
Ему за это подает.
И снова, словно по программе,
Высокий юноша с тоской
Вдруг замирает в душном зале...
Танцует девушка на шаре
И машет не ему рукой.

Песня старого дома

Кто-то любит сладкий пирог,

Кто-то славу и звон монет.
Я люблю красивый восход
И горячий солнечный свет.
Птиц люблю. Они гнезда выют
На моих усталых плечах
И до ночи поют, поют
О морях поют и ветрах.
А меня отпускает страх
Одиночества. Очень давно
Я покинут, и в диких цветах
Утопает мое окно.
Прогоняю печаль долой
И деревья, танцуя вальс,
Окружают меня стеной
И с меня не спускают глаз.
Заключается в них пейзаж
Бесконечных дорог, холмов.
Я отправиться к ним сейчас,
Как и раньше, готов, готов.
Чтобы в красочность городов
Окунуться и разыскать
Тех, кого потерял мой кров,
И вернуть. И обнять, обнять.
До безжалостных холодов
Возвратиться вместе назад.
Но нельзя – под тенью полов
Я храню драгоценный клад.
И решает это уклад
Моей жизни. Поверь, поверь.

Я отдать его буду рад
Постучавшему в мою дверь.

Ночлег

Под деревом, раскинувшимся в небо,
Паломница спала, но отдых не был
Наградой в завершении пути.
Замерзшая, голодная, худая,
В листве осенней мягко утопая,
Шептала тихо: «Господи, прости...»
И видела, как в рубище колючем
С ладони на ладонь песок зыбучий
Пересыпает грустный человек
И смотрит на нее. Она проснулась.
Перекрестилась. Сонно улыбнулась
И вновь уснула, помолясь за всех.
А за дорогой, в маленьком селенье,
В своих домах уснувшие сопели
Односельчане сытые в тепле.
Никто из них паломнице убогой
Не разрешил переступить порога,
Не разрешил остаться на ночлег.
Под образами, что в углу висели,
Лампады с тихим треском догорели.
Там, где раскрашенный пылился Бог.
Всем снились монолитные ворота.

Закрытые. За ними плакал кто-то
И не пускал пришедших на порог.

Золотой ангелок

Проплывает река надо мной
И качается небо.
Где-то там высоко над рекой
Там, где я еще не был.
Дно струится песком и травой
В бесконечном движении
Над моей золотой головой
И крылом в отражениях.
Я когда-то стоял на столе
В чьем-то ласковом доме.
И слегка прикасалась ко мне
Тень горячей ладони.
На которой сидела светясь
Птица синяя счастья.
И по дому протяжно лилась
Ее песня-причастие.
И я слышал волнующий смех
За стеной, на рассвете.
Свою радость скрывая от всех,
Зная, что не заметят.
Я смешной золотой ангелок,
Купленный в магазине,

Убережь от беды разве мог
Птицы пение синей.
И течет надо мною река,
И качается небо.
Где-то там высоко в облаках
Там, где я еще не был.

Запретный плод

На фоне небесной дали
Застыли единым куском
Два тела. По вертикали
Касаясь друг друга виском.
Мужчина и женщина. Где-то
Зовет их по имени Бог,
Когда поливает светом
Лазурный небесный мох.
И прячется за ветвями
В его первозданном саду
Змей-искуситель с глазами,
Похожими на звезду.
В них зыбко дрожит отраженье
Дерева Жизни и след
Дьявольского уменья
Все обратить во вред.
Он шепчет: «Не будет боли
От наготы и стыда.

Все будет по Божьей воле,
А по моей никогда.
Яблоко съешь – узнаешь
Секреты добра и зла.
Много не потеряешь,
А обретешь сполна.
Станешь почти богиней.
Научишься управлять
Мужчинами и гордыней,
Чтоб Рая не потерять.
И женщина без раздумий
Срывает запретный плод.
Не зная, что надоумил
Не тот, кто в Раю живет.

Время

Перед часами стоит человек
И смотрит на сломанный циферблат.
Он время считает. Движением век
Его поворачивая назад.
От этой минуты до светлых дней
Веселой беспечности молодой.
Вот он идет с любимой своей,
А вот из школы бежит домой.
И видит маму свою в окне.
Она смеется и ждет отца.

Ходики тикают на стене
И дни летят без конца, без конца.
И верит мальчик в реальность дня,
Как будто можно потрогать час
И взять в ладони, не оброня
Секунды лишней. Сейчас. Сейчас.
И точность времени никогда
Ему не позволит уйти вперед
Из настоящего. Навсегда
Собой заслоняя грядущий год.
И в доме, сложенном из секунд,
От часа к часу, из века в век,
Живет и верит в реальность минут
И времени точного человек.

Мудрость

Пришел к учителю ученик
И с любопытством спросил его
О том, как быстро и напрямик
Дойти до мудрости. «Не легко» —
Ему ответил учитель вслух
И важно голову наклонил.
А про себя вздохнув глубоко,
Проникновенно заговорил:
«До мудрости надо расти душой.
Молчать и слушать, и вновь молчать,

Чтобы услышать, когда с тобой
Заговорит она. И понять».
Потом учитель взмахнул крылом
И снова стал суетливо глух
Перед кувшином с парным молоком.
Самый мудрейший из здешних мух.

Золотая цепь

Жил человек веселый и радушный.
Его жена любила горячо.
И дети были ласковы, послушны.
С соседями не спорил ни о чем.
Работал он всегда самозабвенно
С утра до ночи, не смыкая век.
И я скажу вам очень откровенно
Хороший был, красивый человек.
И до небес дошло его везенье.
Бог улыбнулся: «Вот как надо жить!»
И, человеку дав благословенье,
Решил еще богатством наградить.
Спустил к его ногам цепь золотую.
С земли до неба тянется она.
И предложил отмерить небольшую
Часть для себя. По росту. В три звена.
И человек отмерил, но внезапно
Его рука вдруг потянулась вверх

Еще на три звена и безоглядно
На пять, на шесть, на восемь звеньев сверх.
А дальше больше. С птичьего полета
Карабкается выше в облака
И отмеряет. Все ему не много.
Пока до неба не дошла рука.
Цепь кончилась. Огромное богатство
Под ним сияет. Он достиг вершин.
Прощай обыденность и трудовое рабство,
Теперь он праздный, важный господин.
Вся цепь его! Дрожащими руками
Ее он дернул и сорвался вниз.
И где-то там внизу под облаками
Подхвачен был Скоропостижной мисс.
Она ему на ушко прошептала:
«Своей корысти, милый, услужив,
Ты выиграл невероятно мало.
Отмерил бы по росту, был бы жив».

Солнце

Легенда повествует: на земле
Когда-то проживали только птицы.
Без солнца. То есть в полной темноте.
Под перьями скрывая свои лица.
Они любили ссориться и спать.
Их голоса пронзительно скрипели.

И было очень трудно понимать,
Чего они желали и имели.
Однажды вышла драка. Без конца
Летели в клочья порванные перья.
Пока не бросил кто-то вверх яйца.
Стремительно. Без чувства сожаленья.
Оно разбилось и его желток,
Коснувшись неба, вспыхнул очень ярко.
И осветил всю землю. Сколько смог.
И стало на земле светло и жарко.
Пространство развернулось далеко.
Легко, без всякого на то усилья.
Все птицы разлетелись. Широко
Расправив вырастающие крылья.
Мир заполняя пением. С высот
За ними наблюдал горячим глазом
Желток яйца разбитого и Тот
Кто дал ему взлететь и вспыхнуть разом.

Самый сильный

Спрашивает мужчина
У дождевой воды:
«В чем состоит причина
Силы твоей. Следы
Жизненного течения
В каждом из нас живут.

Нет без тебя крещенья.
Все без тебя умрут».
Вода отвечает: «Сила
Это взаимосвязь.
Она управляет миром
И безгранична власть
Каждого, кто умеет
Ее проявить в другом.
В силу не только верят, но и считают злом.
Во мне она есть, конечно,
Но Холод меня возьмет
И превратит в кромешный
И непроглядный лед.
Из этого вытекает,
Что Холод сильнее меня.
Но он мгновенно вскипает
От солнечного огня.
Солнце владеет светом.
В нем не бывает теней.
В сравнении с ним при этом
Выглядит мир темней.
Поэтому, если Туча
Закроет его собой,
Отобразится лучше
Вид стороны другой.
И станет тогда понятен
Скрытый, как Солнце, смысл:
В жизни есть много пятен
Темных, как чья-то мысль.

Сила их непомерна.
Но Ветер судьбы – сильней.
Подует и непременно
Погонит Тучу скорей
В очень дальние страны
Быстрым своим крылом.
Туда, где ложатся рано
И рано встают потом.
Но если он Гору встретит,
Приникнув к ее груди,
То дымкою на рассвете
Растает. Его не найти.
Значит, Гора сильнее.
И хороша собой.
Сияет на толстой шее
Камешек золотой.
В небо она уходит
И страждущие небес
На склонах ее находят
Закованный в камень лес.
Растут на Горе Деревья
И сеют свои семена
В расщелины и углубленья,
Чтоб раскололась она.
Деревья Гору ломают.
Но ты придешь с топором
И по стволам загуляет
Лезвие языком.
Ты, Человек, мужчина.

Строишь свои дома.
В этом и есть причина
Силы твоей и ума.
Выходит, ты самый сильный...»
Мужчина стакан берет
И, выпив воды всеильной,
Рукой вытирает рот.

Ангел и дракон

Безвременно растянуто вовне —
Мгновение одно. И бесконечность,
Попав в него, почувствует вполне
Себя уверенно. И превратится в вечность.
Она как точка в космосе видна,
Лишь с одного рассеянного взгляда.
В ней сад цветов, и сыростью полна
Над деревом единственным прохлада.
Гудит энергией божественною ствол
И мощными, огромными ветвями,
Нанизывает синий ореол
Тысячелетий, вызревших плодами.
Кому-то надо вечно охранять
От посягательств это Древо Жизни.
И посылается к нему опять
Чудесный Ангел, выбранный на тризне.
Горит чернильно вытканый наряд

И белоснежные в изгибах крылья
Его приносят безвозвратно в сад
И покрываются дорожной пылью.
В былые времена он помогал
Скорбящим и утратившим надежду.
Вел тех, кого любил и понимал,
Не позволяя им остаться между
Последним вздохом и прыжком души
За грань земную – в белые палаты.
Туда, где как на блюдечке лежит
Все совершённое. Не требуя оплаты.
Он был хорошим Ангелом и вот
Потребовались сила и уменье
Стать Воином и, если повезет,
Упрямым и безжалостным в сраженьи,
Чтобы Дракона жадного убить
Его не подпускающего к Древу.
И Ангел стал жестоким. Как не быть.
За правду справедливую и веру.
В одно мгновенье изменилась суть
Происходящего. Дракон повержен.
И невозможно Ангела вернуть
Туда, где он к другим был очень нежен.
Прошло тысячелетие. Он стал
Совсем другим. И больше, и мощнее.
Наряд его броней засверкал
И появился амулет на шее.
Он овладел губительным огнем
И по ночам от скуки для забавы

Сжигал цветы и сожалел потом,
Что в этом нет ни красоты, ни славы.
Еще тысячелетие прошло
И стало совершенно очевидно,
Что Ангел был Драконом и его
Убить необходимо. И обидно,
Что новый Ангел к Дереву придет
И повторится перевоплощение.
В который раз! Когда произойдет
Меняющее суть вещей мгновенье.

Принцесса – лягушка

В тени деревьев, на резной скамье,
Принцесса одинокая сидела.
И слушала, как в молодой траве
Гуляет ветер справа и налево.
У ног ее, из заводи пруда,
Тянулись блики солнечного света.
И в отражениях плыла вода
Прохладная и исчезала где-то.
Сливалось небо с воздухом густым
И квакала печальная лягушка
Однообразным голосом пустым,
Зоб раздувая плавно и натужно
В слова обиды: «Множество принцесс
Теряют красоту, преображаясь

В лягушек. Утомительный процесс
Потом искать их по земле, скитаясь
Через болота, дебри и леса.

Давно лягушек не целуют принцы.
Не потому, что «против» или «за»,
А потому что уважают принцип
Любить прекрасное. У них в крови
Страсть к идеалу. Он всего дороже.
А мне без поцелуя и любви
Опять не стать принцессою, похоже».
В тени деревьев, на резной скамье,
Лягушка одинокая сидела.
И слушала, как в молодой траве,
Гуляет ветер справа и налево.

Волны света

Девочка у ручья играла,
Смеялась весело и любила
Его прохладу и в нем искала
Свое отражение. Находила
Себя в течении, в бликах света.
И рыбок маленьких трепетанье
Ей говорило, что будет лето
До бесконечности в мирозданье.

Девушка тихо к реке спускалась,

И берег крутой под ее ногами
Все выше казался, и возвышалась
Она над плывущими облаками
Внизу, в воде, за молочной пеной,
За белоснежными городами
Она отражалась такой же белой
Между кисельными берегами.

К берегу моря брела устало
Женщина. Ветер трепал одежду.
И было во взгляде ее немало
Счастья и горя и то, что между
Этими чувствами. Волны били
О берег. И рыбаки смеялись,
Когда отражением чайки стыли
И за рыбешками к ним срывались.

На берегу океана старуха
За горизонтом следит глазами,
Где разворачиваются глухо
Воды под пенными парусами.
И к ней бегут, как когда-то летом
Она бежала к ручью беспечно.
И отражается в волнах света
Ее душа. И уходит в вечность.

Fatum

1. Выбор

Крылья скрестив на груди,
Ангел смотрел печально
На женщину, к ней подойти
Мешало ее молчанье.
Она смотрела в себя
И думала напряженно
О том, что уже нельзя
Быть слабой и отрешенной.
Внутри ее живота,
Светясь красотой неземною,
Спал маленький сатана
В обнимку с ее душой.
И надо было решить,
Как поступить с младенцем:
Убить или любить
И дальше носить под сердцем.
Его спасти или мир
От темноты кромешной.
Кто никогда не любил,
Выберет мир, конечно.

2. Судьба

В уснувшем доме голос скрипел.
У легкой люльки сидела Судьба.
Белая-белая, словно мел,
И пела младенцу такие слова:
«Я рядом, мой мальчик, всегда с тобой.
Тонко сплетаю дыхание рыб
С корнями горы в голубой-голубой
Простор из холодных и пламенных глыб.
Который в наполненной пустоте
Летит из ладони моей в ладонь,
Жестоко пробитую на кресте
Того, кого Бог говорит: «Не тронь».
И глухо будет гудеть толпа.
Я для нее из женских бород
И жил медвежьих уже сплела
Низкий и хмурый небесный свод...»
Младенец заплакал, открыл глаза
И рядом увидел в мареве звезд
Ярко распахнутые небеса
И к ним ведущий сияющий мост.

Тишина

Отсутствие новых причин, для того чтобы слышать,
Единый поток разделяет на капли шутя,
Смывая с пропитанной солнцем и ржавчиной крыши
Следы уходящего в этом потоке дождя.

Ведет к проявлению закономерных иллюзий
Присутствие слуха. И гулко стучит тишина,
Когда предлагает Создатель испуганной Музе
Снять крылья и молча стоять, замерев дотемна.

Она замирает, и с ней замирают мгновенно
Причины, потоки, растущие где-то сады,
Летающие алые яблоки с раненых веток
И к яблокам этим ведущие чьи-то следы.

О камне и о любви

В путь провожая подросшего сына,
Матушка жалобно причитала
О горе своем. Вздыхая, просила
Помнить ее и советы давала:
«Сыночек родной, тебя отпустила,
Прошу невредимым домой вернуться.
И пусть бережет тебя моя сила,
Встречным желая тебе улыбнуться.
Когда под ногами увидишь камень,
Чтоб не споткнулись другие, с дороги,
Не поленись, убери его, – равен

Многому этот поступок для многих.
Если увидишь могильный камень —
Остановись и почти молчаньем
Умершего и не будешь оставлен,
Как он, когда-то живых вниманьем.
Если вдруг неожиданно встанет
Огромный камень, закрыв дорогу,
Ты обойди его, и не станет
Причины копить на душе тревогу.
Если же сердце твое как камень
Станет холодным и равнодушным,
Ты вспомни любовь мою, – этот пламень
Тебя изнутри озарит радушно.
И сделает сердце твое счастливым,
И никогда не будет в нем фальши...» —
Так матушка плакала о любимом
Ребенке. А он уходил все дальше.

У окна

Она стояла долго у окна,
Цепляясь взглядом за черту предметов,
У горизонта слившихся. Одна.
Но пустоты не чувствуя при этом.
Был день похож на предыдущий день:
Без суеты, без лишнего движенья.
Она стояла, и скользила тень

Ей под ноги, как чье-то откровенье.
А где-то в доме замерли весы,
Ворчал старик и нервничал ребенок,
Бежало время, тикали часы —
Их стрелка походила на осколок,
Застывший в неподвижности. И взгляд
Летел за птицами, срезая небо
По краешку, и много раз подряд...
Она звала их, предлагая хлеба.
Но птицы улетали. У окна
Стояла, не меняя положенья,
Слепая женщина. Она одна
Из тех, кто видит мир без искаженья.

Инна Порядина
г. Москва

Окончила отделение русского языка и литературы Московского государственного педагогического университета имени М. А. Шолохова. Публикуется как детский писатель с 2016 года, работает в жанре короткого рассказа и детского фэнтези.

Из интервью с автором:

Не знаю, какие произведения люблю писать больше: миниатюры ли, каждое слово которых выверено и может нести в себе несколько смыслов, или длинные рассказы, объем которых позволяет развернуться, поэтому пишу и то и другое.

© Порядина И., 2018

Бенефис

Она вошла стремительно, распахнув стеклянную дверь, и с порога попросила самого лучшего.

«Платья, корсеты, вуали! Несите все!» – кричали ее тонкий стан, коричные глаза и губы в яркой акварели.

Я выложил пред нею наш товар: тончайшие лилейные кружева, белоснежные газовые лифы и невесомые сетчатые чулки, которые прелестны на точеной женской ножке.

Она хлопнула пушистыми ресницами, сверкнула ямочка-

ми на щеках, и я принес бордовые, синие и золотые шелковые корсеты с десятками холодных застежек; и сотни воздушных разноцветных юбок; и перчатки, которые для того лишь созданы, чтобы обнимать каждый женский пальчик да карабкаться все выше, выше, выше по гладкой юной коже к острому тугому локотку.

«Ах, я актриса, – призналась она мне, зардевшись, и хихикнула в кулачок, – и знаете ли, я помню свой первый бенефис! Я расскажу».

«Зачем вы к нам?» – в тот день спросила меня строгая дама в пожилом пенсне. «Да, она была знаменитой артисткой и сидела в приемной комиссии».

«Я люблю платья! – ответила ей я. – И чтобы крутиться, и стоять на сцене, и чтобы зрители, и свет, и аплодисменты! Ведь театр – это жизнь!»

Я завернул ей полдюжины носовых платков в хрустящую бумагу. Больше она ничего не взяла. Хотя нет. Уже на пороге, обернувшись, потребовала шляпку. «Непременно черный котелок», – качнула она острым подбородком.

«Постойте, – подивился я, – такая прелестница будет в мужском котелке?»

Она кивнула, и я продал наш самый лучший, но не ее размера.

А вечером, когда над крышами рыжих домов нахмурилось небо и уже собирался дождь, я вышел из лавки.

На бульваре, где стоит чудовищный мраморный фонтан и

стройные фонари развесили свои зонтики, была толпа из цилиндров и вуалек. Десятки тонких и глухих голосов звучали нестройной мелодией, а в центре античной богиней царила она, моя утренняя покупательница.

Настоящая артистка, она крутилась в разноцветном платье и подавала руку тем, которые хотели сделать фото.

Я пробрался вперед, пребольно стучаясь о трости и локти, помахал ей перчаткой и тут приметил котелок, который продавал сегодня.

«Ваш бенефис?» – спросил я у нее.

«О, да, – ответила она и вытянула пальчик, – а это плата».

В черном котелке, что примостился у ее туфли, лежали монеты: горка сырых медяков.

Я бросил рубль.

Деды

У последних подавали горячее: куриную ножку в жирной сметане с ядреным чесноком, кусок свежеиспеченной булки. Мялся, не брал, оттягивал душную кудлатую бороду. «Уж лучше б горячительного», – думал и ждал рюмочки.

Не поднесли.

Дома уже раздевался. Долго, мучительно стягивал пунцовые штаны на резинке. Кафтан, торопясь, нелепо вывернул наизнанку, так что рукава стыдливо затопорщились в стороны. Морщась, вынимал из-за щеки и вытягивал из ресниц бе-

лые пластиковые волосы. Распинал валенки и швырнул у порога опавший, разродившийся подарками для других, счастливых, грязный мешок.

Дымил сигаретой у форточки и неожиданно вспомнил какой-то далекий, наполненный детской, щенячьей радостью грядущий Новый год: сквозь замороженные сени в глухой темноте крадется отец – одной рукой трогает воздух, другой прижимает к груди хрустящий бумажный сверток. И надо бы не дышать и попытаться уснуть, ведь хочется, до невозможного хочется верить в деда, который делает это сам и лезет с подарками сквозь печную трубу или в окошко...

А к шести утра уходящей жизни, когда за шторами всполохнул новый рассвет, дряхлым, уставшим дедом растянута в холодной постели.

Сквозь форточку, цепляясь широким алым рукавом с белым пушистым обшлагом, в комнату проникла длинная тощая рука, нащупала подоконник и оставила сверток. Старый, хрустящий, потертый, в котором радость щенячьего детства и грядущего Нового года.

Барби

Нам с сестрой лет по двенадцать было. Мы приехали в деревню на летние каникулы, привезли с собой кучу девчачьего счастья в виде кукол и их одежек, целыми днями рисовали и изредка выбирались в местную библиотеку за книгами.

Бабуля ругалась, кричала, что мы устроили из дома избу-читальню, и выгоняла нас на улицу.

– Сидите тухнете, а вот некоторые хотели бы выйти на двор, да не могут, – как-то раз сказала она в сердцах. – Идем.

Мы вышли на улицу в первый раз за несколько дней и поднялись по ступенькам дома напротив. В избе было темно и тихо, пахло травами и сырыми грибами.

– Кто там? – услышали мы слабый голос, и бабушка первой вошла в комнату. Мы – за ней. Левее от двери в глухом темном углу светились огромные, как плоски, глаза.

– Света? – удивилась бабушка. – А мама где?

Мы привыкли к темноте и стали различать очертания той, чей голос слышали еще из сеней: перед нами была гора одеял и подушек, в которых тонула большая круглая голова с торчащими по обе стороны пучками волос.

– Какие красивые! – сказала голова, и мы с сестрой одновременно покраснели. – Как Барби.

– Ты видела Барби? – спросила бабушка. – У девочек она есть. Они тебе принесут, правда? – она так посмотрела на нас, что мы закивали и вытолкали друг друга на улицу.

Свет ударил в глаза, стало невыносимо больно, и мы зажмурились. Сестра замерла на ступенях и прошептала «чудовище», я кивнула.

– Одна нога здесь, другая там! – услышали мы бабушку и рванули к дому за куклой, которую в здравом уме ни за что на свете никогда и никому не дали бы в руки.

Света улыбнулась, когда мы вернулись, и попросила бабушку отдернуть шторы. Шумно и пыльно звякнули кольца, солнце ворвалось в комнату, и мы наконец увидели того, кому только что передали в руки девчачье сокровище.

У Светы были очень добрые глаза, русые жидкие волосы и тонкие белые губы. Пальцы на руках странно переплетались и пытались удержать прекрасную длинноногую блондинку в коротеньком ярко-розовом платье.

– Сказочная... – прошептала Света, проводя по волосам Барби ладонью. – Как вы...

– Опять?! – ворвалась в комнату пьяная женщина. – Душу себе травишь? Да сколько можно?!

Она вырвала Барби из Светиных рук, пихнула ее сестре и вытолкала нас за порог.

– И чтобы я вас тут больше не видела! – услышали мы за спинами. – Изверги!

Сестра заревела, бросила на землю куклу и побежала к калитке. Я остановилась под окном, дожидаясь бабушки, и пнула ботинком головку одуванчика.

– Она не ходит, – сказала бабушка со ступенек. – Иди сюда. И куклу подними.

Мы вернулись в дом, пьяница исчезла, а в комнате Светы опять было темно. Пыльные шторы закрыли день и мир, который она никогда целиком и не видела.

– Прости ее, – сказала Света. – Тяжело ей со мной, вот и мается. А Барби я и не держала в руках никогда. Слышала

только. Говорили, что красивая очень, ноги длинные и волосы. А для меня все люди красивые, в их глазах душа светится. У меня ж самой только глаза и есть.

Я протянула ей Барби и попятилась к выходу. Свет больно ударил по глазам, я села на землю у одуванчика, который только что раздавила, и заплакала.

Незнакомство

Жаркое полуденное солнце поднималось над светящейся полоской горизонта. Волосы той, которая увлекала все мое существование, непослушными пшеничными кудряшками рассыпались по загорелым плечам. Я смотрел на них и не мог налюбоваться – каждый выгоревший завиток виделся мне днем наших встреч: многообещающее утро, берущее начало у ямочки на шее, и вечер, спускающийся к закату по темным горошинам позвоночника одиноким тонким волоском.

Словно почувствовав, что я ее разглядываю, она подняла голову и улыбнулась. Веснушки, радостно рассыпавшиеся за лето по всему лицу, мелкими солнечными лучиками побежали от кончика носа к ушам, затерялись, запутались, закружились в ямочках на щеках и брызнули к острому девичьему подбородку.

– Ты мне напишешь? – спросил я ее.

– Не знаю, – ответила она и поднялась с колен. Мелкие

песчаные кристаллики оббивали хрупкие щиколотки и змейками поднимались по ногам к неровному краю белой хлопковой юбки.

– Хотя бы позвони, – умолял я ее. – Как я без тебя теперь?

– Будут другие, – подмигнула она. – Лето бывает таким непредсказуемым. Сам говорил.

– Тогда я не знал тебя... – обнял я корзинку со звонкими разноцветными формочками.

– Мы такие разные, – ухмыльнулась она и поспешно скрутила пляжное полотенце, – ни к чему все это.

– Уверена? – я взял ее за локоть.

Она нелепо вырвала у меня из рук корзину, сунула в нее резиновые шлепанцы, окинула взглядом опустевший пляж и, поднимая босыми пятками песчаную пыль, быстро-быстро побежала к припаркованному автомобилю.

– Девушка! – подскочил я вслед за незнакомкой. – Вы забыли косынку!

– Ну ее, – крикнула она издали, – возвращаться – плохая примета.

– Познакомимся? Неделю бок о бок загорали!

– Не стоит, – рассмеялась она, – молчите и дальше.

Обжигающее полуденное солнце ярким воздушным шариком парило над тонкой полоской горизонта. «Ты мне напишешь?» – спросил я ее острые лопатки. «Да», – не ответила она и нажала на педаль газа.

Александр Баргман
Финляндия, г. Хельсинки

1958 год. Ленинград. Образование – Специальная музыкальная школа при Ленинградской консерватории и Ленинградская консерватория. Скрипач.

Из интервью с автором:

Выбирая между прозой и поэзией, предпочту музыку. Или ту прозу и поэзию, где она, музыка, присутствует. В ней нет слов, поэтому нет лжи. Хотя некоторым удается лгать и в музыке. С другой стороны, кто сказал, что это плохо? Вот такой я противоречивый.

© Баргман А., 2018

«Что было раз, то будет снова...»

Что было раз, то будет снова
Когда-нибудь.
У стрелки нет пути иного,
Как снова в путь
По циферблату час за часом,
За кругом круг,
Ни «по», ни «против», безучастно
Железный плуг
Вонзая в белые просторы
Пустых времен.

Там урожай созреет скоро
Дат и имен,
Все повторится неизбежно,
Пусть не теперь,
И блудный сын уйдет с надеждой
Все в ту же дверь,
И будет по миру скитаться,
Спать со скотом
И тщетно вечером стучаться
В богатый дом,
И притчи Нового Завета
Не так поймет,
И будет в них искать ответа,
И не найдет,
И не простит менялу в храме,
И будет сам
Смотреть прозрачными глазами,
Как рушат храм,
И оказавшись на вершине,
Один, как перст,
Не разглядит внизу в долине
Родимых мест:
Деревни, города, селенья
И отчий дом
Объяты пламенем забвенья,
Горят огнем,
Все, что казалось постоянным
И навсегда,
Исчезло в плазменном сиянье...

И он тогда
Забудет тот закон, который
Про все и вся,
И удивится, что так скоро
Огонь иссяк,
И не услышит, но учует
Далекий звон,
Поймет, что пустота врачует,
Увидит он,
Что завершается закатом
И Судный день,
Что на стальные зиккураты
Упала тень,
Вернулись птицы, рыбы, звери,
И ветер чист,
Достанет из котомки перья
И белый лист,
Заметит неба ромбик синий
Сквозь облака,
И зваться будет он отныне
И впредь – Лука,
И ощутит любовь и силу,
И Божий дар,
Поймет, что время возвратилось
И что пожар,
Спаливший Мир, подобно Трое,
Внезапно стих
И что Пришествие Второе

Сложилось в стих.

«Чем дольше я живу на свете...»

Чем дольше я живу на свете,
Тем меньше верю в чудеса.
На нашей суетной планете
Полжизни – это полчаса.

Заранье путь нам уготован,
Чьего-то замысла рабам,
Не зря придумал ван Бетховен:
«Пабабабам, пабабабам»...

Ничто не ново в этом мире,
Ничто не вечно под луной,
Никто нигде не мыслил шире,
Чем Заратустра или Ной.

Все непременно повторится
Рефреном страшным и простым.
И снова в дверь судьба стучится:
«Тыдыдыдым, тыдыдыдым»...

И небо кажется с овчинку,
И всякий вздор идет на ум,
Но все-таки поставь пластинку —

«Тудудудум, тудудудум»...

И снова жизнь полна цветенья,
Весны, любви, прекрасных дам,
И божества, и вдохновенья,
«Тадададам, тадададам»...

«Хочу скорее в ноосферу...»

Хочу скорее в ноосферу
За струйкой дыма светло-серой,
Умчусь бумажным человечком,
Сгорев в огне пасхальной свечи,
Сквозь крышу, в небо, в постоянство,
Вдыхая время и пространство,
Подальше от переживаний,
Любостей, разочарований,
Туда! К фантазиям, идеям,
Героям, гениям, злодеям...
Там вместе все, что не совместно,
Едино все и, если честно,
Никто не думает о Вечном
И не стремится с каждым встречным
Вступать в полемику пустую
О смысле жизни, ибо все
Мы столько раз пытались тщетно
Его найти, что незаметно

Дошли до «жизни после смерти»,
А в ней, конечно, уж поверьте,
Нет ни вопросов, ни ответов,
Ни правил, ни авторитетов;
Ну разве только Amadeus...
Хоть я давно уж не надеюсь,
Что Lacrimosa не напрасна,
Что звуки могут быть прекрасны,
Вода чиста и люди братья,
Любовь – не то чтобы занятие,
А все-таки огонь желанья,
В котором я без колебанья
Сгорю и – прямо в ноосферу
За струйкой дыма светло-серой.

«Рядом с девушкой в шубке из крашеной норки...»

Рядом с девушкой в шубке из крашеной норки
На февральском морозе, не чуя конечностей,
В безнадежной тоске по трамваю восьмерке
Думать не о чем, кроме как о бесконечности.

Вероятней всего, что по чьей-нибудь шалости,
По халатности, глупости или по беспечности
Восьмерка набок упала от усталости

И стала символом бесконечности.

Бесконечность «до» и бесконечность «после»,
Разделенные ожиданием восьмерки трамвая,
Стремительно сближаются и встречаются где-то возле
Креста или камня у дорожки, с края,

Без ограды, под той стареющей липой,
Что изредка слышит нарушающий молчание
Звук, что-то между вздохом и всхлипом,
Застревающий между суффиксом и окончанием

В слове «единственный», которое снежинке тающей
Влажно шепчут красивые красные губы,
Сложенные в знак бесконечности и мерцающие
Из плотно запахнутой норковой шубы.

Два рисунка в зеленых тонах

№ 1

Проспект Победы врезался в зелень леса,
Как нож маньяка в плоть невинной жертвы.
И с каждым годом он проникал все глубже,
Чтоб лес зеленый даже не пытался

Стоять стеною на пути прогресса.

Ведь это так разумно, потеряв немного
Во времени, выигрывать в пространстве,
Поскольку места вечно не хватает,
А времени конца пока не видно.

Хотя недавно с неподдельным интересом
Один настойчивый лохматый сумасшедший
Преследовал строителей проспекта
Вопросами: не правда ли, что время
Кончается как раз за этим лесом?

№ 2

Увы! Но яблоко по имени Земля,
Благоуханное, зелено-голубое,
Покрылось плесенью цивилизации.
Ее гнилые пятна с каждым годом
И с каждым днем распространяются все шире,
И только Апокалипсис способен
Остановить необратимые процессы.

Но после этой термообработки
Для всех любителей печеных яблок
Настанет век сплошного изобилия!

Они, любители, съев с аппетитом мякоть,
Оставят разве что сухой огрызок
Назло проклятым инопланетянам.

Хаос

Говорят, что раньше везде был хаос.
Думаю – это абсолютная правда.
Возможно, я и не прав, да
Как проверишь? Хоть я и пытался, каюсь.

Хаос, скажу вам, это отличная штука —
Ни на столе будильника, ни в кармане мобильного,
И даже за дверцей холодильника
Слегка подмороженный хаос. А ну-ка

Сравним это с такой ситуацией, к примеру,
Когда все распланировано сознательно,
Вроде бы и не этого хотел Создатель, но
Точно никто не знает, примем на веру.

В хаосе не найти даже сигарет.
Это грустно, но есть свои маленькие радости,
Потому что нет ни злобы, ни зависти, ни всякой гадости,
Чему завидовать? – ни у кого ничего нет.

В хаосе нет ни богатства, ни роскоши, ни даже денег,

Там ничего не найдешь, даже веник,
Убрать мусор и все, что со вчера осталось.
Да и какой мусор? – ведь это же хаос!

Ты думаешь, что один в хаосе гуляешь,
А тебя там уже любят и ждут – здрасьте.
Наверное, это и есть счастье,
Когда тебя ждут, а ты и не знаешь.

Ты уже привык к одиночеству,
Что зовут тебя чаще не по имени, а по отчеству,
Ты думал, что любовь это Божья милость,
А вот тебе пожалуйста – в хаосе, а случилось.

Ощущение от хаоса бывает двойное,
Там тебе и смешное, и великое, и мелочь всякая,
Там любовь и ненависть – все смешалось.
Чему удивляться? – ведь это же хаос.

Там болтается много всякой всячины.
Это бывает довольно опасно:
Хорошо, если попадет не в глаз, но
А если в глаз? – зрение наполовину утрачено.

А если ты вообще – ни сном, ни духом,
Просто расслабился – можешь натолкнуться
На что угодно или не успеть увернуться,
Тогда извини – земля тебе пухом...

Упакуют тебя, аккуратно зарюют,
Ты лежишь и думаешь: что же это такое?
Чего ради я здесь скукой маюсь?
Неужели навсегда закончился хаос?

Не волнуйся, не расстраивайся – хаос вечен
В отличие от тебя, так не будь же занудой,
Попробуй реанимируйся, выберись отсюда,
Подлечишь голову, зрение, печень,

Приведешь мысли в порядок, точнее в хаос,
Приоденешься, побреешься, назад обернешься,
Увидишь себя в зеркале и ужаснешься —
Ну тебе в прошлой жизни и досталось!

Но никто не заметит, что с тобой случилось,
Может, только сочтут тебя слегка сумасшедшим.
Не забывай, что в хаосе все смешалось,
И времена тоже – будущее с прошедшим.

В хаосе все зыбко и неабсолютно,
Ты не знаешь, было что-то или показалось?
Если тебе тихо, надежно и уютно —
Это что угодно, но только не хаос.

Попробуй-ка головой вниз,
Пораскинь мозгами и так, и эдак,
Согласись, что жизнь происходит из
Хаотических встреч молекул и клеток,

Из детского лепета, букв и звуков несмелых,
Движений робких по холсту кисти,
Из хаотического падения снежинок белых
На хаотически опавшие осенние листья...

«Тщеславие – условие прогресса...»

Тщеславие – условие прогресса.
Мне это ясно, как простая гамма,
А также ясно: если сексу-дама
Во мне не вызывает интереса
(При этом видно – дама полигамна),
Случилась не трагедия, не драма,
А просто с осязательным перевесом
В борьбе прогресса с фактором старенья
Победу одержал, увы, сильнейший,
И никакие травы и коренья,
Проказницы и опытные гейши
Не остановят вечную программу.
Мне ясно видно, как простая гамма
Дошла до верха, топя ногами,
Там развернулась и, соря деньгами,
Ломая клавиши, сползает вниз.

«Волею случая брошенный в Реку Времени...»

Волею случая брошенный в Реку Времени
С обрыва, с моста, с порога, но только не в прорубь,

Помню, было тепло барахтаться с древними
Евреями, шумерами и прочими, прежде чем голубь

Взмахнул крылом над песком благодатного берега,
Замеченный девочкой смуглой, уставшей от бега.
Она подняла белоснежное перышко бережно:
Не это ли голубь, который однажды с Ковчега

Умчался искать горизонт за розовым облаком?
Но, вспомнив, как ветхо преданье, она улыбнулась...
Река протекала поблизости, рядом, около.
Река зашумела, ускорилась, будто проснулась.

Я плыл, легко скользя, отдавшись течению,
Ни сесть на мель, ни уйти за поля страницы
Мне не грозило. Я весь погрузился в чтение.
Я был читателем книги, где камни и лица

Смешались и, став барельефами, бились о стены
Дома, возникшего вверх по теченью для сына
Девочки смуглой. Теперь там живут только тени,
Место, где был огонь, давно остыло.

Река бежала все дальше, вперед от истока,
Я слышал, кто-то шептал незнакомой речью,
Что время лукаво – река бежит с востока,
Но мне казалось – восток бежит навстречу.

Я плыл между строк, среди букв и неясных знаков,

Писанных, как всегда, по воде вилами,
Минуя поля неизвестных цветов и злаков,
Затоптаных волей вождей с надутыми жилами.

Река текла все быстрее, миллионы в экстазе
Кидались в нее, словно свиное стадо.
Река постепенно смешалась с кровью и грязью.
Река торопилась, река текла к водопаду.

Я вынырнул лишь на мгновенье вблизи устья,
Где мост, ставший опять Благовещенским, рядом
Сфинксы, и девочка смуглая смотрит с грустью
Вослед белой голубке, пытаюсь взглядом

Ее вернуть. Вернуть туда, где река
Текла ручейком прозрачным меж яблонь и вишен.
Но волею случая я пока здесь. Пока!
Ведь шум водопада все ближе и ясно слышен.

«Блуждаю в паутине непонятных слов, но...»

Блуждаю в паутине непонятных слов, но
Чувствую, что слово всякое условно,
Слова неясны, зыбки, беспредметны, словно
Буквы. «Напоминают мне оне, – цитирую дословно, —

Другую жизнь...», где все как будто «за» беспрекословно,
Хотя разделены имущественно и сословно.
В системе букв и слов важнейшее искусство, безусловно,
Искусство стать глухим и напрочь все забыть.
Не надо нервничать, дышите ровно,
Вопрос извечный, гáвно или гóвно,
Неразрешим, как «быть или не быть».

Деревянная лошадка

Деревянная лошадка
Убежала в поля.
Видно, ей пришлось несладко,
Больно терла петля

И разодрано копыто.
Натерпелась сполна.
Но теперь все позабыто —
Наконец-то она

Не качалка, не каталка,
А свободный рысак,
И ни шатко и ни валко
Скачет рысью, да как

Грациозно, как игриво
В ковыле поутру.

Шелковисто вьется грива
На весеннем ветру.

И не страшен ей нисколько
Ни пинок, ни обман,
Ни забвенье, ни помойка,
Ни холодный чулан.

И неистовый наездник,
Тяжеленный, как слон,
Безвозвратно канул в бездне
Всех прошедших времен.

«Здравствуйте, доктор! Скажите, пожалуйста...»

Здравствуйте, доктор! Скажите, пожалуйста,
только негромко, шепните на ушко,
должен ли я, принесенный аистом,
верить чужой равнодушной кукушке?

Должен ли я, позабыв о безопасности,
верхнюю в страхе кусая конечность,
твердо решивший остаться в вечности,
думать о том, как отсрочить вечность?

Доктор, как справиться с нервными тиками?
Как не ругнуться на имя «Володя»?
И почему оглушительно тиканье
старых песочных часов на комод?

Доктор, я знаю, вам жаль пациента.
Он вам никто, не друг, не приятель.
Он вынул все, до последнего цента.
Он расплатился. Он вам неприятен.

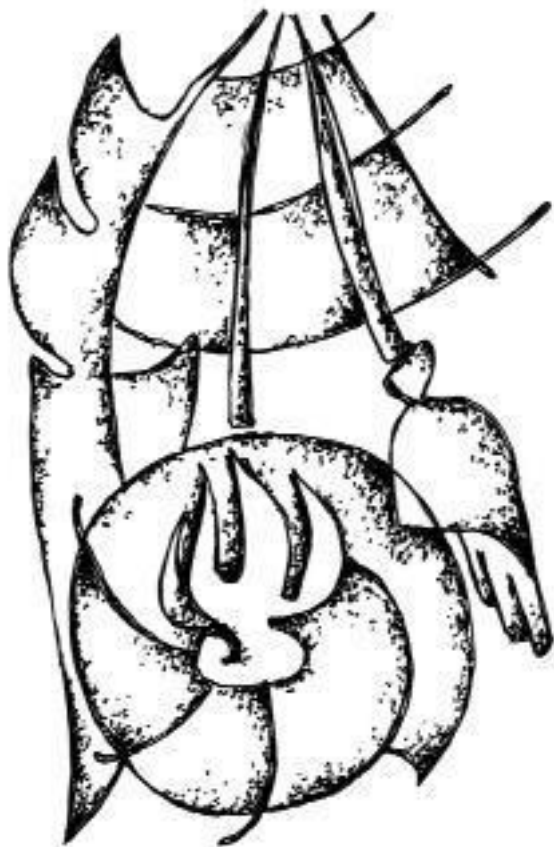
Вы мне сказали как-то: «Блажен
считающий дни не с конца, а с начала...
Время прощаться...» Я начал с женщин,
С первой с конца. Но она молчала,

словно меня не заметила. Матом
только подумала что-то. Похоже,
доктор, вы – патологоанатом,
судя по цвету моей кожи.

Доктор, простите, вы умная женщина.
Можно ли, доктор, спросить вас про это?
Можно ли старый анамнез сжечь и на
Следующий день проснуться поэтом?

Сказан печальный диагноз на «с» без
тени сомнения в ласковом голосе.
Редкий мужчина на острове Лесбос
выучит гамму всю, от «до» до «си»,

чтобы сыграть ее вам на прощание,
доктор, под грохот полуденной пушки,
сгорбиться и, затаив дыхание,
ждать приговора часов с кукушкой.

«На некотором удаленье...»

На некотором удаленье,
на расстоянии плевка,
На несколько ступеней выше... Или ниже...
В надежде, в раздраженье,
в ожидании кивка,
На станции Девяткино или в Париже,
В желании бежать скорее прочь
или бежать навстречу —
Неясно, если бег в густом тумане,
К тому же за окошком ночь,
мерцают свечи,
На почве ревности или по пьяне
Смешалась кровь с любовью? Или это
Не стон, но озвучание зевка?
И впрямь, не нужно пистолета
На расстоянии плевка.

«Он, как любой гражданин Мира...»

Он, как любой гражданин Мира,
Ездил на машине любимого цвета,
Имел небольшую, но свою квартиру,

Боялся и ждал Конца Света.

Он красавцем особым не был,
Не был во лбу семи пядей,
Он не хватал звезд с неба,
Но все искал, по сторонам глядя,

Смысла вещей и причин тайных,
Сущности жизни и Мироздания,
Решенья вопросов фундаментальных,
Словом, того, что почти все знают.

Его осенило вдруг и внезапно,
На кухне, за завтраком, утром, в халате,
Может, в философии он и слаб, но
Какая мыслища! Вот те нате!

Он не успел даже съесть котлету
И запить глотком свежего кефира...
**КАЖДАЯ СМЕРТЬ – КОНЕЦ СВЕТА,
КАЖДОЕ РОЖДЕНИЕ – СОТВОРЕНИЕ МИРА.**

Он был так потрясен этим,
Что о чудесном своем озаренье
Сразу захотел рассказать детям,
Но их у него не было, к сожалению.

Но зато у него были две бабы,
Брюнетка и блондинка, натуральная, он уверен,

И где бы он ни был и ни ехал куда бы,
Он всегда и везде был им верен.

Конец Света – это весьма неприятно,
И тут уж совсем даже не до смеха,
И жизнь коротка, чтобы было понятно,
Примерно, как от крика до эха.

Если с неба, из голубого эфира
Крикнуть громко, на всю планету,
Ничтоже сумняшеся: Сотворение Мира!
Эхо ответит: Конец Света...

И он торопился жить с кайфом,
Любил выпить пива с цыпленком карри,
Зимой он отдыхал с брюнеткой в Хайфе,
Ну а летом с блондинкой в Сыктывкаре.

Как-то на пути туда или оттуда,
Летя в самолете большом и железном,
Он все думал, что самолет – это чудо,
И знал, что сверху и снизу бездна.

Он попросил принести газету
И спрятал в сумку томик Шекспира...
Каждая смерть – Конец Света,
Каждое рождение – Сотворение Мира...

Это случилось, как удар током,

Наверное, в моторе сломалось что-то,
Самолет круто повело боком,
А потом резко бросило в штопор.

Он падал вниз, как с души камень,
Он был спокоен, не распускал сопли,
Он не хватался за воздух руками,
Он не слушал рыдания и вопли,

Он не думал о Сотворенье Мира,
Он не боялся Конца Света,
А только шептал: прости, Мирра,
И повторял: прощай, Света...

Круги на воде разбегались долго,
Гадать да рядить почему – поздно,
Если честно, была еще Ольга,
Но эпизодически, несерьезно.

Он не заметил Конца Света,
Только слышал, как чайка кричала:
Дескать, мир вечен, пока, мол, есть дети,
И вообще нет ни конца, ни начала.

Пенять на судьбу не очень красиво,
Совсем не плохо уйти к рыбам,
Несут пузырьки из глубины синей
Метафизическое «СПАСИБО».

Он растворился во всем мире,
И потому до Конца Света
Слух его будет ласкать лира
Неоцененного поэта.

Разочарованье

И все-таки нельзя быть понятым при жизни!
Не так ли?
Тем более, когда ты родился философом или поэтом.
Споткнувшись наверху и кубарем по лестнице
скатившись вниз,
ни Капли
Не ударившись при этом,
Я это ясно осознал.
Какая странная удача!
И почему я раньше не бежал
Из этого вертепа,
Хотя прекрасно понимал,
Что мысли и слова напрасно трачу,
Что выглядит все это глупо и нелепо,
Что это общество совсем не для меня,
Что не желаю этот бред ни слушать, ни терпеть,
И дружбу крепкую изображать не буду более ни дня,
Как говорит один шутник: «еще мы будем посмотреть»,
Какая у кого харизма
И чья рифмуется скорее с клизмой,

Чем с коллаборационизмом,
В котором мои прежние друзья меня так рьяно обвиняли,
Пока какой-то толстый вундеркинд
Пытался что-то буйно на рояле
Изобразить, давя на все педали,
Набором диким параллельных квинт.

Возможно, мой уход им показался пошлым,
Но мне плевать!

И вообще пора бы поменять
Или закрыть всю эту тему,
Оставить в прошлом
И мысли снова привести в систему.

Итак:

Мои приятели – предатели и быдло,
Какое может быть еще название?!

А впрочем – какой пустяк!

Ведь это было

Всего лишь РАЗОЧАРОВАНИЕ...

Я просто больше никому не верю.

Но, громко хлопнув, уходя, парадной дверью,

Я вспоминаю, что еще довольно молод,

Вдыхаю с наслаждением вечерний холод

И, наконец решив про все забыть,

Стараясь ненароком в лужу не ступить,

В коротком клетчатом пальтишке

Бегу за бабушкой вприпрыжку.

«Женщина, не выговаривающая буквы...»

Посвящается К. А.

Женщина, не выговаривающая буквы
«Эл» и «эр», по имени Клара,
Обладательница глаз, волос, рук, вы —
зывающих зависть, надежду, Старо —

Невский, угол Дегтярной, коммуналка,
Одиннадцать метров, окно во двор,
Высокий четвертый этаж, жалко,
Что без лифта, а в общем, с тех пор

Как провели горячую воду,
Стало вполне сносно, и даже
Соседи, хотя не здоровались сроду,
Стали говорить «здрасьте», однажды

Помогли, пусть и за деньги, убрать в туалете.
Они нуждаются. У них дети.

Женщина, не выговаривающая «эл»
И «эр», в далекой молодости была
Очень красива. Профессор хотел,

Чтоб она иногда с ним спала.

Он был ее куратор,
И она могла защитить кандидатскую.
Он пригласил ее в театр,
Но она поняла эту дурацкую

Затею и ушла с антракта.
В общем, не сложилось как-то.

Женщина, не выговаривающая «эл» и «эр»,
Всю жизнь, до пенсии, работала заведующей
В библиотеке ДК имени Дзер —
жинского и долго была следующей

В очереди на получение отдельной
Квартиры, но далеко от работы,
Где-то там, в районе Удельной,
Но в последнее время что-то

Стала сомневаться, «привычка графская»
Жить в центре, к тому же не надо
Толкаться в транспорте, ведь Полтавская,
Для тех, кто не знает, совсем рядом,

И все менять надо едва ли.
Правда, квартиру так и не дали.

Женщина, не выговаривающая «эр» и «эл»,

Прочла все книги, что стояли на полках,
И всех писателей, кто успел
К тому времени что-нибудь написать, столько

Книг, что хватило бы, пожалуй, на сто
Жизней, книги для нее были
Радость, боль, любовь, восторг...
Однако в их число не входили

Ромен Роллан и Гюстав Флобер.
Она не выговаривала «эл» и «эр».

Она знала, что на свете случаются
Любовь, нежность, дети и прочее,
Но с ней не случилось, и дурью маяться
Поздно. Правда, иногда, ночью,

Она выла и кусала губы,
Стараясь, чтобы никто не слышал.
На вопросы соседей отшучивалась грубо
И следующей ночью выла тише.

Минутная слабость – с кем не бывает?—
У нее все есть, друзья, книги.
Все хорошо. Иногда приезжает
На пару дней племянник из Риги.

Она все читала и все знала.
Все – это не так уж мало.

Женщина, не выговаривающая «эл» и «эр»,
Была настроена весьма патриотически.
Ее родиной был СССР,
Пока ей не сказали про «историческую

Родину», где проживают лица
С ее лицом. Она хотела,
Надо сказать, побывать за границей,
Но было страшно, и она не смела

Даже пытаться. А потом, когда стало
Можно, почему-то не было денег.
Ну и ладно! Из книг она все знала.
Словосочетание «Лазурный Берег»

Она произносила так мило,
Что, слушая, просто хотелось плакать.
Сама она не плакала. Никогда. Говорила,
Дескать, не любит «разводить слякоть».

По воскресеньям – клецки из манки,
По вечерам – сигареты «Прима»,
Часто болела, кашель, банки,
Доктор велел сменить климат.

Он ей сказал: «Просто нонсенс,
Что вы еще живы. Мне неприятно,
Но ваши легкие похожи на Солнце —

В них, как на Солнце, одни пятна».

И она исчезла, не попрощавшись, зная,
Что никто особо не огорчится. Вроде бы
Кто-то сказал, что будто бы в мае
Ее видели на «исторической родине»,

Что будто бы она жива и здорова,
Хорошо выглядит и совсем не меняется,
И даже будто бы курит снова.
А дальше ее следы теряются.

Просто, видимо, она не смогла
Позвонить откуда-нибудь оттуда, из Беэр —
Шева, и сказать: «Я умерла»,
Поскольку не выговаривала «эл» и «эр».

Слева от калитки, лицом на восток,
Женщина-недосказанность, женщина-загадка.
На камень, вкопанный в желтый песок,
Садится птица и поет сладко

Для обитателей небесных сфер,
Не выговаривая «эл» и «эр».

Мария Лебеденко
г. Москва

Родилась в городе Орле, но сейчас живет в столице. Окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Пишет прозу и стихи для удовольствия и для всех, кто готов читать, – считает, что в наше время блогов и бесконечного количества текстов в Интернете внимание читателя уже большая награда автору. Публикуется в Сети.

Из интервью с автором:

Эта история появилась после того, как где-то на просторах Сети мне попала чудесная легенда (то ли литовская, то ли эстонская) про эту-самую-леди с этим-самым-шарфом и про смекалистого кузнеца, который оторвал ей сей аксессуар створкой окна.

У кузнеца после этого жизнь сложилась хорошо, а вот у всего города, который посетила леди, – не очень. Кто же она такая – думаю, читатель поймет сам.

© Лебеденко М., 2018

Леди с красным шарфом

Как спелые плоды не знают на земле иного страха, чем страх упасть.

«Рамаяна»

Я хорошо помню тот день, когда впервые встретил ее.

На Мессину опускался вечер, тихий и теплый; густой осенний воздух Сицилии ложился на плечи подобно драго-

ценной мантии. Со стороны порта долетал крепкий, свежий запах моря, на тесных, скрученных узлом улочках он боролся с удушливой вонью человеческого жилья и нечистот.

Без какой-либо определенной цели я блуждал по городу; камни мостовых выгибали покатые спины и ложились мне под ноги, навевая мысли о давно прошедшем. Отзвуки древних войн все еще слышались здесь – и сухой стук копыт греческих скакунов, тянущих легкие колесницы, и тревожный гул бронзовых щитов. То, что сгнуло навсегда; то, что никогда не сгинет; давно умершее и вечно живое в памяти людской.

Я поднял голову и обнаружил, что мои мечты привели меня к церкви Санта-Мария Алеманна. Начинало темнеть, и я совсем было хотел повернуть назад, чтобы до темноты добраться домой (в то время в Мессине я жил у хорошего друга; историк, постоянно погруженный в свои книги, он едва ли замечал неудобства, связанные с пребыванием столь неряшливого гостя, как я). Где-то за моей спиной хлопнула створка окна: невольно обернувшись, я встретился взглядом с молодой девушкой, которая медленно брела вниз по улице; верно, погруженный в свои размышления, я не заметил ее раньше.

На вид ей было лет семнадцать; с первого взгляда ее можно было принять за итальянку, однако бледное даже в таком жарком климате лицо с тонкими, изящными чертами выдавало в ней уроженку севера. По моде туго закрученные, закрывающие уши косы прелестного пепельного цвета бы-

ли перевиты лентой, такой же черной, как ее дорогое платье. Но внимание мое привлек удивительной яркости красный шарф, который незнакомка свободно накинула на плечи; концы его чуть трепетали на мягком вечернем ветру. Можно было подумать, что это идет вдова, которой приличия предписывают носить траур, но сердце не слишком скорбит о потере. Однако голова ее была непокрыта, как у незамужней; в такой поздний час шла она совершенно одна, без слуг. Заинтересованный, я сделал шаг навстречу; девушка, увидев меня, остановилась, вопросительно наклонив голову.

– Юной особе не следует ходить одной по этим улицам так поздно, – как можно приветливее сказал я, кланяясь. Мне не хотелось, чтобы она подумала обо мне как об одном из тех сладострастников, которые бродят по ночам в поисках доступных женщин.

– О, я всегда хожу одна, – она открыто и спокойно посмотрела мне в лицо; красный шарф делал ее глубокие синие глаза еще ярче. – Мне нечего бояться.

– Позвольте не согласиться с вами, синьора. Мессина, вне всяких сомнений, прелестный город, но все же по вечерам здесь бывает беспокойно, особенно для знатной дамы.

Я заметил, что на поясе у нее вместо кошелька висят простой деревянный гребень и маленькая метелка, сделанная из каких-то высушенных трав; в который раз удивившись странностям моего случайного знакомства, я вызвался проводить прелестную одиночку туда, куда ей будет угодно.

– Не утруждайтесь, синьор, благодарю вас, – отвечала она с внезапным смехом. – Я направляюсь в порт; вы же, насколько я успела заметить, шли в другую сторону.

– Порт? – изумленно переспросил я. – Что за дела могут быть у столь прелестной синьоры в подобном месте?

– Дела крайней важности, – тонко улыбнувшись, сказала она. – Поверьте, синьор, они не терпят отлагательств. Нам же с вами пока не по пути.

В ее последних словах мне почудилось какое-то тревожное предупреждение; несмотря на теплый вечер, я ощутил, как холодок пробежал по моей спине. Однако я тут же отогнал от себя непрошенные мысли, чтобы попрощаться с загадочной девушкой в самых учтивых выражениях. Она подавала мне на прощанье руку; тонкие пальцы ее пахли дымом, когда я наклонился, чтобы поцеловать их. В последний раз улыбувшись, она развернулась, чтобы уйти: внезапный порыв октябрьского ветра высоко взметнул концы ее красного шарфа, и на какой-то миг они показались мне бушующим пламенем огромного костра.

* * *

Путешествие мое не заладилось; из-за печальных событий все порты оказались закрыты, и я, опасаясь тревожных вестей из дома, принужден был ехать через континент. К середине января я прибыл в Орвието; при других обстоятель-

ствах я бы, несомненно, пленился этим до крайности живописным городком. Однако же время безжалостно подгоняло меня: уже на рассвете я должен был отправиться на север.

Впрочем, даже столь торопливого и невнимательного путника встретили здесь тепло: еда на постоялом дворе была вполне сносной, а вино – молодым и сладким, словно поцелуй. Пока искали свежих лошадей, я, стремясь отогнать черные мысли о том, что оставил позади, то и дело прикладывался к живительной влаге, пока в голове у меня не стало шуметь, как на море в ненастный день.

Я вышел во двор; порыв холодного ветра наотмашь ударил по щеке, и мир снова стал ясным. На высоком южном небе зажглись первые звезды; я смотрел на них и думал о том, сколь мало значат смертные перед лицом небесных светил. Да, правы те доктора, которые порицают веру в зодиак и чтение судеб: вечным звездам нет дела до людей, слабых и порочных; из праха мы вышли и прахом станем, а они все так же будут светить с ночного неба, высокие и бесстрастные.

Так стоял я, раздумывая одновременно ни о чем и обо всем на свете. Стало холодно; ветер подул сильнее. Лошадей моих все не было, и потому я решил пойти в конюшни, чтобы поторопить нерасторопного слугу.

Там было до странности тихо; я подошел ближе, и в свете единственного фонаря проступил тонкий женский силуэт. Сердце мое дрогнуло, когда я увидел знакомый красный шарф, в неверном свете мерцавший, как свежая кровь.

Первый порыв мой был – уйти. Все эти месяцы я хранил в шкатулке памяти ту случайную встречу, которая, как это обычно и бывает, со временем успела подернуться романтическим флером; теперь же я вдруг испугался, что очарованные воспоминания мои будут разбиты действительностью. Ее спокойный голос, смелый взгляд, ее тонкие черты и речи, загадочные, как темные речные воды – все это не раз воображал я во время моего странствия; однако же я и думать не мог, что так скоро повстречаюсь с ней вновь. Тень моя, длинная и узкая, как кинжал, упала на ворота конюшни. Девушка обернулась; на ней было все то же черное платье, которое она носила на Сицилии. Некоторое время она молчала, верно, всматриваясь в темноту, из которой я пришел; длинные ее пальцы сжали у шеи красный шарф. Затем она окликнула меня, так спокойно, словно мы только вчера расстались:

– Синьор!

С поклоном я подошел ближе. Дыхание мое смешалось, и я напрасно старался выглядеть спокойным. Она же, как и тогда, протянула мне руку и улыбнулась; я не мог понять, что скрывалось за ее улыбкой.

– Я не надеялся, что увижу вас вновь, синьора, – сказал я, наклоняясь для поцелуя. – Вы теперь еще прекраснее; впрочем, простите меня за эту вольность, мы почти не знакомы.

– Пустое, – отвечала она все с той же улыбкой. – Благодарю. Не думала, что встречу вас здесь; зимой север этой страны и вполовину не так живописен.

– Боюсь, теперь я путешествую не для удовольствия; вы ведь, вероятно, слышаны о событиях в Мессине.

Она как-то странно поглядела на меня; взгляд ее стал далеким, словно она прозревала какую-то тайну, скрытую от глаз прочих людей.

– Да, я слышала о Мессине, – медленно сказала она. – Вот что принудило вас уехать, синьор?

– А вы сами разве не бежите этой напасти?

– Мне нет нужды бежать.

Игра в загадки порядком утомила меня; ее слова таили в себе бездну смыслов, мне недоступных. Некоторое время мы стояли на январском ветру, не говоря ни слова. Моя прелестная знакомица накинула свой красный шарф на плечи от ночной прохлады; он струился с них, как пара кровавых крыл.

Ворота конюшни заскрипели: конюх, дюжий малый, вывел на двор роскошную белую кобылу; пар от ее ноздрей облачками улетал в бархатное небо. Она перебирала ногами, словно в танце.

Я кивнул в сторону благородного животного:

– Это ваша?

– Что ж, если так? – собеседница моя подошла к кобыле и взяла ее под уздцы. Конюх, верно, ждал награды за свою работу, но она лишь дотронулась до его плеча и тихим голосом что-то сказала; отпрянув, тот поспешно скрылся.

Мне не хотелось, чтобы она уезжала так скоро; пожалуй,

чересчур поспешно я выпалил:

– Если это ваша лошадь, то она хороша; пожалуй, в самый раз для путешественника... или путешественницы как вы, синьора.

Она рассмеялась:

– О, но ведь вы правы: я много путешествую.

– Нет ничего лучше странствий; познавать мир, его бесконечные красоты. Когда-то я грезил, что своими глазами увижу чудеса Индии и Сереса.

– Когда-то?

– Вы правы; пожалуй, грежу и сейчас. Впрочем, этому уже не суждено случиться.

– Некоторым мечтам лучше оставаться мечтами, синьор, – она посмотрела мне прямо в глаза, и я почувствовал, что падаю. – Я бывала и в Индиях, и в Сересе, и смею вас уверить, что большая часть небывалых чудес этих земель – лишь пустые рассказы.

– Вот как? – сказал я, про себя удивившись, что такая молодая девушка странствовала до самого края света; впрочем, все в ней было слишком удивительным, чтобы это оказалось неправдой. – Что ж, там вовсе нет необычайного?

– Отчего; путешественник найдет там много достойных внимания вещей. Что до псоглавцев и кровожадных бифэнов – их нет.

– Очень жаль; пожалуй, мир был бы интереснее, не окажись они выдумкой. В таком случае, что же там есть?

– О, то же, что и везде – несчастные люди, – с внезапной горечью сказала она.

– Разве все люди несчастны?

– Да, все, синьор, – она снова сжала у горла свой красный шарф, словно защищаясь. – Вы держитесь на плаву, потому что живете надеждой, что после плохих времен наступит золотой век; но плохие времена несут за собой худшие, и ничего не меняется под звездами.

– Вы слишком печальны для вашей юности, – сказал я, стремясь обратить все в шутку; с трудом мне удалось скрыть, как на самом деле я потрясен ее словами.

С неожиданной холодностью она взглянула на меня; узкое лицо ее сделалось жестким, и я понял, что сказал лишнего. Поспешно принес я извинения в собственной неучтивости; я страшился хоть чем-нибудь оскорбить ее. Мало-помалу глаза ее оттаяли; в последний раз она улыbnулась и легко вскочила на лошадь.

– Что ж, прощайте, синьор. Я направляюсь в Испанию – боюсь, нам все еще не по пути.

– Надеюсь, когда-нибудь мы все же разделим один путь.

– Не желайте этого, – серьезно ответила она и тронула кобылу; та сразу сорвалась с места, словно еще один порыв ветра. Красный шарф взметнулся за ее плечами, развернулся диковинным змеем.

Я смотрел вслед всаднице до тех пор, пока ночная тьма не поглотила ее окончательно; дольше всех было видно белую

кобылу, что призрачным пятном плыла среди теней. В конце концов исчезла и она.

В странном расположении духа я вернулся на постоянный двор; мне было и радостно, и горько. Встреча эта взволновала меня больше, чем я мог себе представить, так что я даже не сразу спросил у хозяина о свежих лошадях. Мне ответили, что лошадей, вероятно, не будет до утра: конюх внезапно заболел. Решив, что ленивый малый запил, я попросил себе комнату; лишь на рассвете мне наконец удалось заснуть.

* * *

В иное время ехать через Францию мне было бы небезопасно; успехи нашего храброго принца на севере отозвались у простого народа глухой ненавистью ко всем жителям острова. Даже временный мир между монархами не мог утишить этой злобы: любой, кто носил английское платье, рисковал головой всюду, от Бриансона до Конфлана.

Нынче, впрочем, было не то; перед лицом ужасной напасти старые споры поблекли и забылись. На проезжих, правда, и сейчас смотрели недобро, но уже по другой причине: никто не знал, какое зло несет с собой чужак, от чего он бежит и что скрывает.

Я же, хоть и спешил изо всех своих сил, много позже Вознесения едва ли добрался до окрестностей Парижа. В иных деревнях (справедливо рассудив, что не стоит испытывать

судьбу понапрасну, я избегал больших городов) приходилось ждать по неделе, а то и больше; лошадей было решительно не достать, а там, где они еще остались, хозяева заламывали такую цену, что моих скудных запасов не хватило бы даже на пару копыт. Между тем я принужден был спешить; в Кале я надеялся разыскать одного из своих старых друзей, капитана прекрасного крепкого кога. Пожалуй, я смог бы уговорить его взять меня на борт, однако для этого мне необходимо было добраться до побережья самое позднее к середине лета; опасаясь той кары Божьей, что ползла все дальше и дальше по континенту, многие моряки уже пересекли пролив. Они верили, что за соленой водой будут в безопасности; англичане же встречали каждый корабль в великом страхе. Ходили слухи, что порты Мелькомба и даже самого Лондона скоро закроют; тогда бы положение мое стало безвыходным. Подгоняемый таким образом, я делал все возможное, чтобы добраться до родины насколько возможно быстрее; в самую жаркую пору года прибыл я в Ардр, откуда было рукой подать до моей цели.

Рассвет я встретил в пути; дорога пылила под копытами моего измученного коня. Солнце еще не встало, но первые, еще робкие его лучи уже протянули свои длинные ресницы по небу, окрасив его всеми оттенками нежнейшего пурпура. Миру только начала возвращаться яркость земных красок, и ветви деревьев в по-утреннему прохладном, как ключевая вода, воздухе казались черными лапами неведомых тварей.

Кругом стояла удивительная тишина; молодой день обещал быть жарким.

Я ехал, низко опустив голову; монотонный стук копыт навевал на меня дрему. Когда по левую руку показалась какая-то безымянная деревенька, я подумал было, что неплохо бы остановиться и попросить хлеба и сыра; однако, поравнявшись с ближним домом, я обнаружил, что место это давным-давно заброшено: крыши сгнили и обвалились, огороды заросли сорной травой.

Подъехав ближе, я спугнул стаю ворон; с пронзительным карканьем они взвились над моей головой, заставив вздрогнуть. Люди бежали отсюда, как бежали многие в это страшное время, словно в бегстве можно было найти жизнь. После себя они оставляли только пустые дома и гибнущий на корню урожай; картины запустения выглядели едва ли не тягостней, чем те жуткие события, которые стали их причиной. В этой покинутой деревне я вдруг почувствовал себя так, как, верно, чувствовал себя путник у разрушенных стен Гоморры.

Во власти тягостных мыслей я вернулся на дорогу. Уже начало припекать, но даже яркость светила не могла заставить меня забыть о том, что я увидел. Невольно я подумал, не найду ли и вместо своего жилища лишь мрак и одиночество; поспешно отогнал я наваждение.

Позади послышался частый стук копыт; кто-то гнал лошадь по тракту. Я посторонился, давая неизвестному дорогу; верно, еще один беглец, который стремится убежать от того,

чего невозможно избежать. Звук приближался; наконец мимо меня, подняв ржавое облако едкой дорожной пыли, рысью промчалась прекрасная белая кобыла. Я почувствовал, что мое лицо разгорелось, словно от внезапной лихорадки – за спиной всадницы развевался красный шарф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.